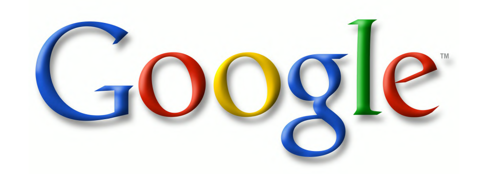
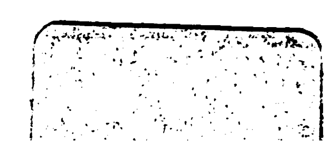
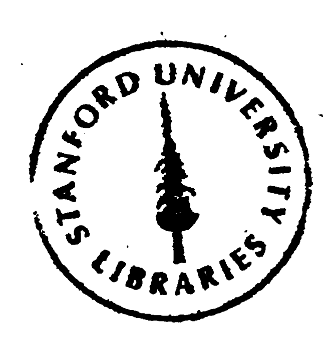
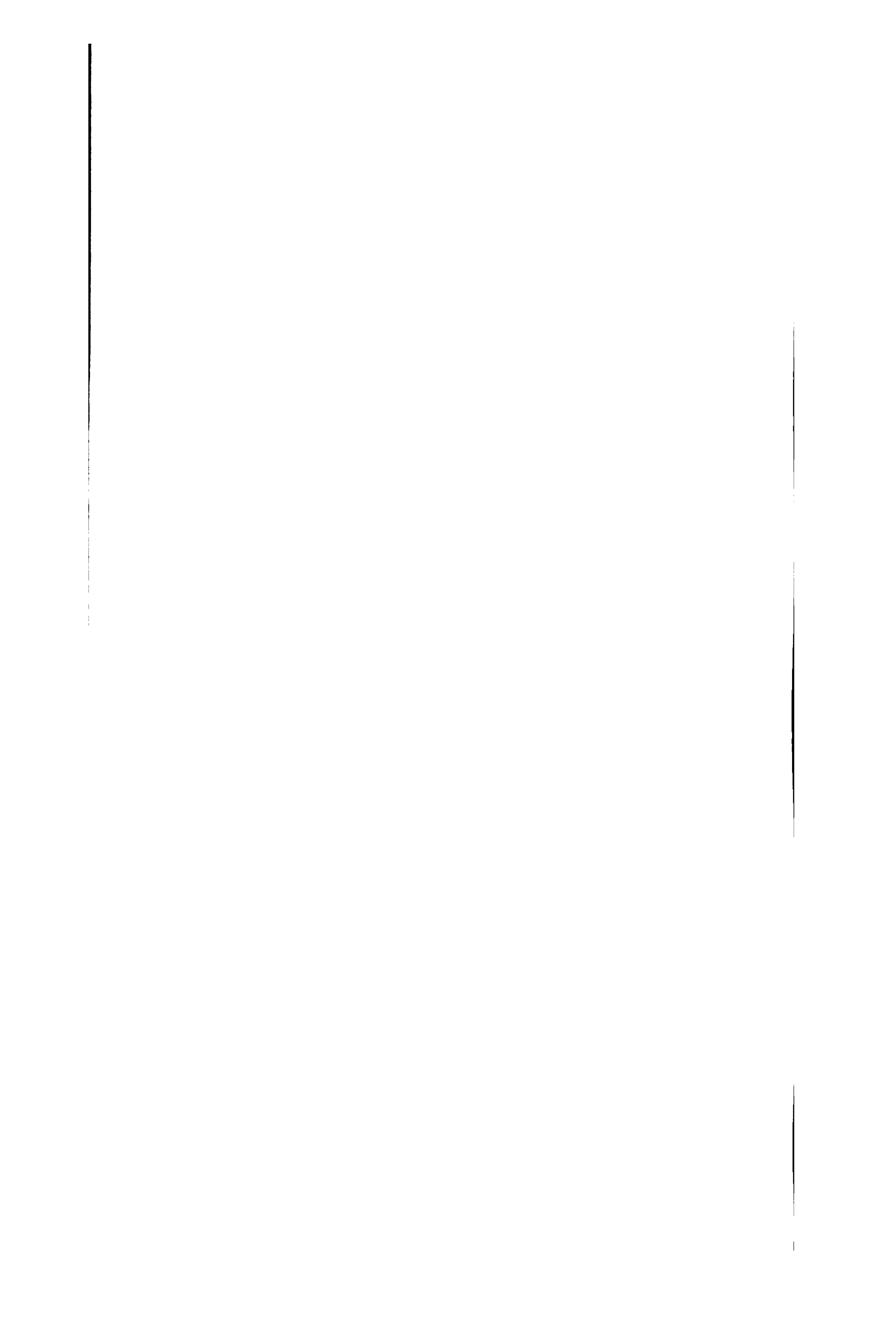

KUDRIAVTSEV, V.
STARINA, PAMIATNIKI, PREDANIIA I LEGENDY PRIKAMSKAGO KRAIA.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СТАРИНА,

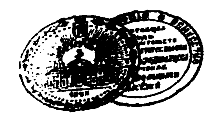
ПАМЯТНИКИ, ПРЕДАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ

ПРИКАМСКАГО КРАЯ.

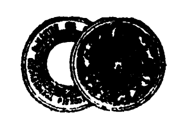
ОЧЕРКЪ.

Составленъ В. Ф. Кудрявцевымъ.

Іерепечатано изъ календаря Вятской губерніи на 1897 годъ).

ВЯТКА.
Губернская Типографія.
1897.

Печатано съ разрѣшенія Господина Вятскаго Губернатора.

Старина, памятники, преданія и легенды Прикамскаго края.

(Очеркъ).

Славяне и чудь по нашимъ, сарматы и скиѳы по внѣшнимъ писателямъ, были древніе обитатели Россіи.

Ломоносовъ.

I.

Неновый край.—Аборигены прикамскаго края.—Первыя попытки русскихъ къ овладѣнію частями этого края.—Область начальныхъ завоеваній.—Выгоды, доставленныя русскимъ покоренiемъ двухъ царствъ.—Селитьба русскихъ въ новозавоеванномъ краѣ.—Протесты инородцевъ; разбойничество.—Сохранившiяся имена бунтующихъ вождей.—Пугачевщина.—Умиротвореніе края.—Обрусеніе нѣкоторыхъ инородцевъ.—Осѣвшіе безпокойные инородцы.

Край Россіи, лежащій въ области Камы и ея двухъ главныхъ притоковъ, Вятки и Бѣлой, далеко уже не новый; время присоединенія его къ Россіи надо исчислять уже вѣками.

Коренными жителями прикамскаго края нужно считать чудь или то финское племя, изъ котораго потомъ образовались отдѣльныя народности, извѣстныя подъ именемъ зырянъ (древняя печора), пермяковъ (біармійцы), вотяковъ, черемисъ, башкиръ и проч. Поселившіеся на Камѣ булгары, а за ними татары и русскіе, были уже пришлые народы.

Попытки къ овладѣнію нѣкоторыми частями этого края (верховьями Вятки и Камы) были дѣлаемы русскими съ давнихъ поръ. Первыми русскими поселенцами въ этотъ краѣ были выходцы изъ Новгорода. Если вѣрить вятской лѣтописи, они утвердили свое владычество по р. Вяткѣ еще въ концѣ XII столѣтія. Есть также извѣстіе, что Новгородъ собиралъ дань съ пермяковъ еще въ XI в. Зависимость Пермской земли отъ Новгорода болѣе или менѣе упрочена была въ XIII в. Хотя въ это время Пермская земля управлялась собственными туземными князьями, но изъ новгородскихъ

договоровъ 1269 года видно, что эта земля считалась уже въ числѣ новгородскихъ волостей. Москва отбила у Новгорода это владычество. Въ 1472 году два московскіе воеводы, Өедоръ Пестрый и Гаврило Нелидовъ, покоривъ Пермь, присоединили ее къ владѣніямъ Москвы, оставивъ въ ней, однако, мѣстное управленіе. Съ 1505 г. тамъ, вмѣсто присяжныхъ туземныхъ князей, появляются уже московскіе намѣстники.

Несомнѣнно, что первая русская колонизація прика скихъ областей шла съ сѣвера, по Сѣверной Двинѣ и е притокамъ. Гораздо болѣе значительный успѣхъ имѣла эт колонизація, когда русскіе стали проникать въ прикамскі край одновременно съ двухъ концовъ, сѣвера и юга, т. е съ устьевъ Камы. А это случилось тотчасъ же послѣ пок ренія Казанскаго царства.

Хотя послѣ того, какъ пала Казань, край на всем протяженіи Камы очутился въ рукахъ русскихъ, однако фа тическое поселеніе русскихъ въ немъ соверилось нѣскольк позднѣе. Разселившіеся здѣсь народы угро-финскаго и тюр ско-татарскаго племени не изъявляли желанія признават надъ собою владычества московскаго царя. Не извѣдавъ н себѣ силы Москвы, они были готовы бороться съ нею за свою независимость. Возможность отстоять независимост поддерживалась въ нихъ упованіемъ на отдаленность мѣст и главное тѣмъ, что Москва, точно опасаясь за исхо борьбы, оставляла ихъ до времени въ покоѣ и даже не о лагала данью.

Побѣдители Казанскаго царства дѣйствительно не с шили ни заселеніемъ прикамскаго края, ни его подчи ніемъ. Для нихъ открылись привольныя пространства Волгѣ. Во всю вторую половину XVI столѣтія точно съ ба дождемъ посыпались русскимъ несмѣтныя богатств пространства. Города, веси, области шли въ руки русск въ такомъ изобиліи, что русскіе потеряли счетъ своему г мадному богатству, доставшемуся, послѣ покоренія Каз безъ большихъ сравнительно усилій съ ихъ стороны. П

Казань, смирились черемисы и чуваши, пала и Астрахань, бѣжали и ногаи. Отъ самыхъ истоковъ до устья Волга сдѣлалась уже русскою рѣкою. Нужно было очистить пути этой рѣки, а для этого требовалось заселить поволжскій край, водворить въ немъ порядокъ и спокойствіе среди враждебныхъ народностей прежнихъ двухъ царствъ—Казанскаго и Астраханскаго. Гдѣ было тогда думать еще о прикамскомъ краѣ?

Вотъ почему этотъ край, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ, не былъ заселяемъ и оставленъ въ покоѣ. Рѣка Кама служила только проѣзднымъ путемъ для войскъ, идущихъ въ Пермь, а потомъ въ Башкирію и Сибирь. Мало-по малу русскій народъ разобрался въ своихъ богатствахъ, устранилъ представляемыя на пути препятствія къ владѣнію ими, сумѣлъ отдать отчетъ въ полученномъ наслѣдіи и захотѣлъ извлечь выгоду изъ счастливо сложившихся для его обстоятельствъ. Очередь дошла и до прикамскаго края.

Слухи о изобиліи и удобствахъ мѣстъ этого края успѣли уже облетѣть Россію, и вотъ толпы русскихъ переселенцевъ потянулись сюда и стали выбирать мѣста получше да попривольнѣе, а жилища свои стали ставить, для безопасности, ближе къ рѣкѣ. Туземцы, зная уже силу Москвы, не смѣли препятствовать этой селитьбѣ. Мало-по-малу возникли здѣсь, подъ прикрытіемъ городовъ, болѣе или менѣе укрѣпленныхъ, починки, селенія и слободы. Инородцы, уступая свои насиженныя мѣста, удалялись, наоборотъ, отъ близости рѣки и уходили въ глубь материка, селясь около лѣсовъ. Это мы видимъ изъ того, что по побережью Камы почти совсѣмъ не находится инородческихъ селеній. Только нѣкоторые изъ инородцевъ, болѣе устойчивые и менѣе способные къ ассимиляціи, не страшились жить въ близкомъ сосѣдствѣ съ русскими; нѣкоторые изъ нихъ стали жить даже въ самыхъ русскихъ городахъ. Къ такимъ инородцамъ принадлежали омагометанившіеся уже инородцы: татары, башкиры, тептери и другіе.

Не легко было, разумѣется, подчинить разношерстную

массу инородцевъ московскому режиму. Какихъ либо крот
кихъ мѣръ и заботливости въ отношеніи инородцевъ н
прилагали. Вѣрнѣе всего, что они прежде не свободны бы
ли отъ произвола и притѣсненій со стороны мѣстныхъ вла
стей. Глухой протестъ инородцевъ нерѣдко вырывался на
ружу въ видѣ отместки. При всякомъ удобномъ случаѣ ино
родцы гордо поднимали голову, и какъ только появлял
между ними смѣлый вождь, они жестоко мстили русским
нападая на ихъ поселенія и страшно опустошая ихъ. Т
кую же роль исполняли по временамъ и шайки разбойни
ковъ. Появленіе ихъ служило, съ одной стороны, какъ б
живымъ протестомъ противъ существовавшаго управлен
и власти; съ другой—объясняется желаніемъ нѣкоторы
лицъ искать себѣ такой вольности, которая была бы въ сво
ихъ дѣйствіяхъ ничѣмъ не обуздана.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ прикамскі
край долгое время служилъ ареною бунтующихъ инородцев
и разбойниковъ. Почти каждое старинное русское селен
хранитъ преданіе о неистовствахъ разнаго рода грабителей
Въ одномъ мѣстѣ вы слышите о Балканкѣ, Хамиткѣ, в
другомъ называются имена Салавата, Алдаръ-Бея, Акая
другихъ. Мѣстомъ, откуда появились эти воры-грабител
была Башкирія, расположенная по р. Бѣлой и ея притокам
Имена русскихъ разбойниковъ не сохранились въ памят
народа, но притоны разбойничьихъ шаекъ иногда указыв
ются. Только такія крупныя личности, какъ Пугачевъ, н
зываемый здѣсь Пугачомъ, и его сподвижники, вро
Власьева, овладѣвшаго г. Сарапуломъ, удерживаются въ н
родной памяти. Этотъ Пугачъ наддалъ большого страха пр
камскимъ жителямъ. Бѣглымъ маршемъ пройдя Башкирі
онъ у города Осы переправился черезъ Каму и отсюда г
бельною волною прошелъ чрезъ весь почти край до са
Казани. И Волжскій, и Камскій края одинаково были взв
нованы его мятежомъ. Успокоились отчасти только тог
когда этотъ злодѣй былъ пойманъ и казненъ. Но разбор
о причинахъ вспыхнувшаго на сѣверо-востокѣ мятежа,

:оторому многіе изъ жителей поволжья и прикамья были ıрикосновенны иногда и поневолѣ, была затруднительна ı тягостна [1]) для этихъ жителей. Изреченное, въ концѣ 1775 :ода, императрицей Екатериной II милостивое слово амни- :тіи лучше всякихъ карательныхъ мѣръ подѣйствовало для ıолнаго умиротворенія края.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камскаго побережья, въ числѣ ıѣстныхъ, разбойниковъ называютъ и Стеньку Разина, ко- 'орый однако не разбойничалъ по Камѣ, а былъ только гро- ою Волги. Но въ глазахъ народа, естественно, всѣ неясныя далекія преданія о разбойникахъ привязывать къ тѣмъ емногимъ именамъ, которыя почему-либо запечатлѣлись ъ его памяти. Вѣроятно, въ эпоху разиновщины умы на- ода были взволнованы и въ прикамскомъ краѣ.

Въ настоящее время край этотъ вполнѣ спокоенъ. Па- оходство окончательно уничтожило разбои. Большая часть нородцевъ, какъ-то: пермяки, вотяки, черемиса, бесермяне часть даже татаръ (новокрещены) обрусѣла. Несомнѣнно, ıкому благому результату отношеній содѣйствовалъ много живчивый и общительный характеръ русскаго народа. Изъ ıсла инородцевъ болѣе заботъ русскому правительству ɔедставляли малосклонные къ осѣдлости и уживчивости ıшкиры. Время, однако, угомонило мятежный духъ этихъ ителей лѣсовъ и степей. Теперь и башкиры сдѣлались мир-

---

[1]) Тягостна потому, что жители, позабывъ недавнее горестное испыта-), начали клеветать и оговаривать другъ друга въ измѣнѣ, а учрежденная Казани комиссія придавала большую вѣру всякому оговору. Можно думать, › эта комиссія дѣйствовала далеко не безпристрастно. Такъ, извѣстно, что эдсѣдатель оной, камеръ-юнкеръ Потемкинъ, изъ-за личностей, обвинилъ, по ıому оговору, Казанскаго архіепископа Веніамина Григоровича въ тайныхъ ›шеніяхъ съ Пугачевымъ. Потемкинъ вызвалъ архіерея въ комиссію и ;съ арестовалъ его, лишивъ преосвященнаго всякихъ способовъ къ оправда-). Императрица Екатерина II, узнавъ о семъ арестѣ, вытребовала все дѣло Москву и сама опросила лично оговорщика, «бездѣльника» Аристова. По- дній сознался въ клеветѣ на архіерея, равно и въ томъ, что былъ къ это- подученъ. Императрица тотчасъ же къ невинному преосвященному отпра- ;а письмо и пожаловала его саномъ митрополита Казанскаго. Въ этомъ са- Веніаминъ, добродѣтельный и преданный религіи человѣкъ, оставался до ой своей смерти.

ными поселянами, главнымъ занятіемъ которыхъ служит земледѣліе и пчеловодство.

Въ своемъ очеркѣ, помимо краткихъ историческихъ свѣдѣній о той или другой мѣстности края, я буду сообщат всякаго рода преданія и легенды, равно останавливаться н памятникахъ глубокой старины (городищахъ, могильникахъ по сколько все это извѣстно мнѣ самому, какъ урожен прикамскаго края.

II.

Многоводный притокъ Волги.—Соперничество Камы съ Волгою.—Народное сказаніе объ этомъ.—Древнее названіе Камы.—Отъ какого народа Кама получ свое названіе.—Туземные народы, титулующіе себя именемъ Камы.—Старин названіе притока Камы, Вятки.—Серебряные булгары.—Нукратцы.—Вятк Вотка—двѣ различныя рѣки.

На шестьдесятъ верстъ ниже Казани впадаетъ въ Волгу р. Кама. При взглядѣ на нее можно убѣдиться, что этот многоводный притокъ смѣло можетъ спорить съ Волгою первенствѣ. Для человѣка, незнакомаго съ названіями обѣ ихъ рѣкъ, Кама, по своей ширинѣ и видимой глубинѣ те носиних водъ своихъ, легко можетъ показаться главно рѣкою, а не притокомъ Волги. Напоръ ея водъ настолы силенъ, что сразу сбиваетъ Волгу съ крѣпкой позиціи. Д сихъ поръ Волга держалась юговосточнаго направленія, теперь, отброшенная Камой, она круто поворачиваетъ юго-западу. Стихійная борьба этихъ двухъ великанов рѣкъ оканчивается, однако, побѣдой Волги надъ Камой. Ка извѣстно, широкая полоса Камы долго сохраняетъ въ Во свой собственный цвѣтъ и только верстъ за двѣсти нач наетъ мало-по-малу терять его. Такимъ образомъ мут желтая Волга, въ концѣ концовъ, всетаки поглощаетъ себѣ индивидуальность Камы.

По народному сказанію, Кама не безъ борьбы уступ ла свою самостоятельность, слившись съ ея водами. Нар ное сказаніе объ этомъ таково: «Кама съ Волгой спорил не хотѣла въ нее течь. Сначала хотѣла воду ея отбить,

половины отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрость. Уговорилась она съ коршуномъ: «Ты, коршунъ, крикни, когда я на той сторонѣ буду, чтобы я слышала, а я подъ Волгу подроюсь и выйду въ другомъ мѣстѣ».—«Ладно»,—отвѣчаетъ коршунъ. Вотъ Кама и начала рыться подъ Волгу. Рылась, рылась, а тѣмъ временемъ коршуна беркутъ запримѣтилъ и погнался за нимъ. Тотъ испугался и закричалъ какъ разъ надъ срединой Волги. «Кама», услыша этотъ крикъ, думала, что она на томъ уже берегу, выскочила изъ подъ земли и прямо въ Волгу угодила» [1]).

Несомнѣнно, что обѣ рѣки были прежде многоводнѣе и величественнѣе. Волга отощала водою сравнительно съ Камой, почти не имѣющей мелей до впаденія въ нее Бѣлой, потому, быть можетъ, что по бассейну ея значительно больше вырублены лѣса, чѣмъ по бассейну ея притока. Древніе хозары, булгары и за ними татары и не думали считать Каму притокомъ: для нихъ Камо-Волга была одна рѣка, которую они называли Итиль или Идель.

Нынѣшнее свое названіе Кама получила отъ народа финскаго племени: на языкѣ вотяковъ «Камъ» значитъ долгая. Чтобы дать болѣе полное представленіе объ этой рѣкѣ, вотяки прибавляютъ слово «буджимъ». «Буджимъ-Камъ» значитъ большая и долгая рѣка [2]). Жившіе первоначально по Камѣ пермяки и зыряне, принадлежащіе къ одной фамиліи, прозываютъ себя и сейчасъ по имени Камы—Кама-Мортъ и Кама-Ясъ [3]).

Русскіе, усвоившіе отъ вотяковъ названіе Камы, не хотѣли удержать ихъ мѣстное названіе для притока ея—Вятки. Вотяки зовутъ Вятку Нукратъ, или Серебряная рѣка, а русскіе дали ей названіе по имени вотяковъ, жившихъ по ней: вотская рѣка или Вятка. Впрочемъ, слово «Серебряные» удержалось, какъ видно изъ лѣтописей, за тѣми изъ булгаръ,

---

[1]) См. „Сказки и преданія Самарскаго края“, Д. Н. Садовникова.

[2]) На это названіе первый указалъ Г. Ф. Миллеръ, извѣстный исторіографъ, путешествовавшій по прикамскому краю въ 1733 г.

[3]) См. „Сѣвернорусскія народоправства“, Н. Костомарова.

которые жили или владѣли нижнимъ теченіемъ Вятки. Эти Серебряные булгары, въ союзѣ съ Камскими и Волжскими, нерѣдко принимали участіе въ битвахъ противъ русскихъ [1]. Татаро-монголы называли русскихъ поселенцевъ на Вяткѣ нукратцами. Это названіе они, вѣроятно, заимствовали отъ покоренныхъ ими булгаръ.

Вятка или, какъ думаютъ многіе, вотская рѣка, оказывается, однако, не одно и то же. Въ лѣтописяхъ вотяки въ первый разъ именуются отяками и потомъ стали прибавлять къ этому имени, въ видѣ придыханія, букву в, подобно тому, какъ многія древнерусскія слова сопровождаются этой же буквой въ началѣ: отчимъ, осмь, острый, оспа стали произноситься в-отчимъ, в-осемь, в-острый, в-оспа. Если Вятка получила свое названіе отъ отяка или вотяка, то съ какой же стати было измѣнять корневую букву **о** въ **я**? Такого произвольнаго перемѣщенія гласныхъ въ нашемъ языкѣ нигдѣ не встрѣчается. При томъ есть въ Вятской же губерніи другая рѣка, которая называется прямо уже Воткой. Эта рѣка составляетъ притокъ Сивы, впадающей въ Каму. По имени этой рѣки основанный близъ Камы заводъ и называется Камско-Воткинскимъ. Вѣрнѣе всего предположить, что названіе рѣки и области Вяткою произошло отъ вотскаго племени Вятка, которое, по преданію вотяковъ, жило нѣкогда на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ городъ Хлыновъ [2].

---

[1] Объ участіи Серебряныхъ булгаръ вмѣстѣ съ своими единоплеменниками въ битвѣ съ русскими упоминается въ первый разъ въ лѣтописяхъ въ 1183 г., когда вел. князь Всеволодъ III, въ отмщеніе за набѣгъ булгаръ въ русскую землю, предпринялъ походъ противъ нихъ. Несмотря на то, что булгаръ выступило противъ него 5 тысячъ, Всеволодъ одолѣлъ ихъ и заставилъ смириться.

[2] „Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ“, изданіе Вятскаго Статистическаго Комитета.

III.

Первый русскій городъ на Камѣ.—Его значеніе для русской колонизаціи.—Преданіе о Нормандскомъ хищникѣ, поселившемся на Камѣ.—Городъ Чистополь; кѣмъ онъ, по преданію, основанъ.—Село Жукотино.—Слѣды существованія Камскихъ булгаръ.—Находки булгарскихъ вещей.—Предполагаемые булгарскіе города на Камѣ.—Небреженіе къ древностямъ.—Остатки булгарскаго кладбища.—Могила Хаджи-Ахрара.—Указъ Петра I.—Булгарскія эпитафіи.

Русскую варницу Соль-Камскую (нынѣшній городъ Соликамскъ), основанную въ 1430 году, едва ли можно считать городомъ. Несомнѣнно, первымъ русскимъ городомъ на Камѣ былъ Лаишевъ, стоящій на нижнемъ теченіи Камы. Построенъ онъ былъ русскими въ 1557 г., какъ оплотъ противъ ногаевъ и другихъ туземцевъ. Во вновь устроенномъ городѣ были поставлены деревянныя стѣны и башни. Охраненіе укрѣпленія поручено было стрѣльцамъ, привезеннымъ изъ Казани. Со времени покоренія оной, русскимъ и новокрещеннымъ татарамъ[1]) позволено было селиться на всемъ привольѣ Камскаго края и заниматься хлѣбопашествомъ. Но въ первыя десять лѣтъ едва ли кто изъ русскихъ изъявлялъ желаніе селиться здѣсь, такъ какъ ногаи, черемиса и другіе туземцы не хотѣли признавать Московскаго владычества. Не только путь по Камѣ, но и по Волгѣ былъ первое время не безопасенъ [2]). Для усмиренія камскихъ туземцевъ московскіе воеводы не разъ поднимались съ ратью съ устьевъ Камы вверхъ по ней и по р. Вяткѣ. Вновь основанный городъ Лаишевъ, подобно Васильсурску на Волгѣ, служилъ русскимъ опорою въ ихъ поступательномъ движеніи по Камѣ.

[1]) Какъ извѣстно, изъ числа татаръ первымъ, пожелавшимъ принять христіанство, былъ казанскій царь Едигеръ. При крещеніи онъ названъ былъ Симеономъ. Іоаннъ IV оказывалъ плѣнному казанскому царю явные знаки покровительства. Когда Едигеръ женился на дочери знатнаго сановника Кутузова, Маріи, то царь вмѣстѣ съ царицею были на его свадебномъ пиру. Кромѣ того, покоритель Казани, царь Іоаннъ IV, пожаловалъ Едигеру въ отчину городъ Рузу и даже позволилъ ему до кончины своей удерживать титулъ царя.

[2]) Вслѣдствіе волненій на Волгѣ и Камѣ принесенную изъ Хлынова въ Москву икону св. Николая Великорѣцкаго въ обратный путь несли не чрезъ Казань, а чрезъ Вологду и Устюгъ.

Городъ Лаишевъ съ пристани не виденъ. Его заслоняють высокія, утесистыя горы, которыя тянутся по правому берегу Камы. На этихъ горахъ, въ двухъ верстахъ отъ города, жилъ, по преданію, помѣщикъ-грабитель, который велъ родъ свой, будто бы, отъ норманновъ. Подобно средневѣковымъ баронамъ и феодаламъ, онъ построилъ свой домъ на подобіе замка и обвелъ его каменными стѣнами. Изъ его замка шелъ подземный ходъ на р. Каму. Отсюда-то этотъ хищникъ дѣлалъ съ своими холопами нападеніе на проѣзжающихъ по Камѣ и грабилъ ихъ [1]). Ни развалинъ его замка, ни подземнаго хода не сохранилось, да и самое преданіе существуетъ не у мѣстныхъ жителей, а въ Казани.

Слѣдующій за Лаишевымъ по теченію вверхъ по Камѣ—городъ Чистополь. Какъ по числу жителей (25/т.), такъ и по доходности, это второй, послѣ Перми, городъ на Камѣ, съ прелестною рощицею по берегу. Городъ этотъ никто уже не основывалъ; онъ возросъ самъ собою. Начало городу, по преданію, положили бѣглые изъ Сибири и холопы, бѣжавшіе отъ помѣщиковъ. Бѣглецы эти, будто бы, около половины прошлаго столѣтія были выселены подъ конвоемъ, и начавшееся поселеніе опустѣло. Съ этого-де времени оно и стало называться Чистымъ полемъ. Есть и другое преданіе: бывшее здѣсь селеніе раззорено непріятелями(?) и запустѣлое мѣсто получило отъ сосѣдей прозваніе Чистаго поля [2]). Послѣднее преданіе, по моему мнѣнію, больше имѣетъ вѣроятія: подъ непріятелемъ можно разумѣть и разбойниковъ, иногда до тла опустошавшихъ селенія. Во всякомъ случаѣ, селеніе это ненадолго опустѣло, такъ какъ оно, при Екатеринѣ II, преобразовывается уже въ городъ, который и сталъ, благодаря выгодному географическому положенію быстро развиваться.

---

[1]) См. статью Ф. Д. Нефедова: «Этнографич. наблюденія по Волгѣ«, напечатанную въ „Трудахъ Москов. Этнограф. Отдѣла".

[2]) См. статью А. Н. Сергѣева: „Опытъ объясненія названій русскихъ городовъ", напеч. во 2 вып. „Нижегород. Сборника, посвященнаго памяти перваго русскаго Статистич. съѣзда 1870 г.".

Неподалеку отъ Чистополя находится на берегу Камы село Никольское-Жукотино, основанное на мѣстѣ булгарскаго города Жукотина. Вообще въ Лаишевскомъ, Чистопольскомъ и Елабужскомъ уѣздахъ встрѣчаются кой-какіе слѣды существованія на сихъ мѣстахъ древнихъ булгаръ. На эти слѣды указываютъ названія урочищъ, признаки старыхъ селитьбищъ, городищъ съ развалинами каменныхъ стѣнъ, остатки кладбищъ и отдѣльныя могилы булгаръ. Къ числу признаковъ заселенія булгарами этихъ мѣстъ принадлежатъ также находки оружія, монетъ и вещей. Изъ находимыхъ вещей встрѣчаются слѣдующія: блюда, вѣсы изъ красной мѣди, желѣзные замки, серебряные перстни, зарукавья, браслеты, серьги, разноцвѣтныя бусы, пронизки, обломки зеркалъ, глиняные сосуды и проч.

По высказаннымъ въ разное время учеными предположеніямъ (вѣрнымъ или невѣрнымъ—не берусь судить), булгарскими городами въ Прикамьѣ были слѣдующіе: Ошелъ, Жукотинъ, Керменчукъ, Бряхимовъ, Изгаръ, Бюларъ, Табулга-Атай, Кашанъ, Кызляръ, Кулай и нѣсколько булгарскихъ ауловъ съ неизвѣстными названіями [1]). Ошелъ, Ошла или Ашль стоялъ на самомъ устьѣ Камы и загораживалъ какъ бы путь въ нее. Этотъ городъ былъ укрѣпленъ, по словамъ проф. Баженова, двумя рядами дубоваго тына и землянымъ валомъ. Изъ русскихъ лѣтописей извѣстно, что этотъ булгарскій городъ былъ сожженъ княземъ Святославомъ, братомъ великаго князя Юрія Всеволодовича. Жукотинъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго села Жукотина [2]). Этотъ городъ былъ

---

[1]) Разработкою вопроса о древнихъ памятникахъ и городахъ булгаръ занимались гг. Пономаревъ, Лихачевъ и Шпилевскій. Послѣдній за свой трудъ, книгу, подъ заглавіемъ „Древніе города и другіе булгарско татарскіе памятники въ Казан. губ.“, удостоенъ отъ Академіи Наукъ большой золотой медали.

[2]) О мѣстѣ Жукотина и Ошела историкъ Татищевъ говоритъ слѣдующее: „Суть же и еще города великіе (булгарскіе) видимы, яко на устьѣ Камы, на луговой сторонѣ, Жукотинъ; сказываютъ, великія развалины были; на нагорной сторонѣ, ниже Камы верстъ пять, былъ городъ Ашла“. «Исторія Россійская», Татищева, 1769 г., кн. 1, ч. 2. Свуптеръ полагаетъ также, что городъ Жукотинъ стоялъ на устьѣ Камы. Большинство ученыхъ склоняется къ тому, что Ошелъ стоялъ на Волгѣ, недалеко отъ устья Камы.

ныя, прекрасныя, превысокородныя и непорочныя и препочтенныя и чистѣйшія, многовѣрныя княгини Сары, дочери Ахметовой». 6) «Сіе домовище прецѣломудренныя, чистѣйшія, непорочныя, многотерпѣливыя и многопостныя Раммы. (При семъ перечисляется родословная этой булгарки). О, Господи! удовольствуй ее довольствіемъ нескончаемымъ! Отыде къ милосердію Всевышняго 22 лѣтъ отъ рожденія своего» [1]).

Изъ приведенныхъ эпитафій можно нѣсколько судить о характерѣ булгаръ. Отличительными качествами они почитали не военныя доблести, какъ турки: мужество, храбрость, отвагу, месть къ невѣрнымъ, а чисто добродѣтели мирнаго свойства: благочестіе, милосердіе, призрѣніе сиротъ и бѣдныхъ учителей. Въ женщинѣ они цѣнили непорочность, цѣломудріе, набожность, строгое соблюденіе установленныхъ постовъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ объ этомъ древнемъ народѣ, царившемъ нѣкогда по Камѣ и Волгѣ.

IV.

Кому булгары обязаны сохраненіемъ своего имени въ исторіи.—Границы Булгарскаго царства.—Происхожденіе булгаръ; ихъ языкъ.—Начало ихъ государства.—Принятіе ислама.—Побѣда князя Владиміра надъ булгарами.—Вѣчный договоръ до перваго случая.—Борьба русскихъ съ булгарами.—Дальнѣйшая исторія Булгаріи.—Сохранившіяся имена булгарскихъ хановъ.—Столица булгаръ.—Развалины этой столицы.—Любознательные осмотры развалинъ царями и учеными.—Впечатлѣніе, производимое развалинами.

Булгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей, и потому такъ легко, несмотря на ихъ богатство и нѣкогда цвѣтущее состояніе ихъ государства, затерялись въ памяти народовъ. Не будь у нихъ столкновеній съ русскими и сношеній съ арабами, существованіе ихъ прошло бы совсѣмъ безслѣдно, на подобіе многихъ кочевыхъ народовъ, которые вихремъ налетали на осѣдлые народы и потомъ подобно вихрю и исчезали безъ слѣда съ лица земли. Только благодаря нѣкоторымъ записямъ путешествовавшихъ въ

---

[1]) Приведенныя мною эпитафіи заимствованы изъ книги: „Картины Россіи“, Свиньина.

Булгарію арабовъ, а главное—благодаря русскимъ лѣтописямъ, имя булгаръ не предано вполнѣ забвенію.

Границы владѣній Булгарскаго царства не извѣстны. Ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ, не пришли ни къ какому заключенію. Г. Шпилевскій полагаетъ, что восточные предѣлы булгарскихъ владѣній оканчивались близъ р. Яика (Урала), гдѣ они въ 1229 г. потерпѣли первое пораженіе отъ татаръ. Въ составъ владѣній булгаръ, кромѣ средняго теченія Волги, входило, по мнѣнію г. Шпилевскаго, низовье Вятки, населенное вотяками и черемисами. [1])

Даже самое происхожденіе булгаръ не извѣстно, хотя ихъ и причисляютъ къ тюрско-татарскому племени. Были ли булгары единоплеменными съ тѣми изъ болгаръ, которые поселились на Дунаѣ и приняли крещеніе при болгарскомъ князѣ Борисѣ—это составляетъ также вопросъ. Полагаютъ, что Волжскіе и Камскіе булгары представляли собою смѣсь турецкихъ, славянскихъ и финскихъ племенъ [2]). Названіе свое булгары получили отъ Волги, которая въ древности называлась Ра, а потомъ получила названіе отъ волхвующихъ финновъ названіе Волги, значущей въ переводѣ колдунья [3]) Поэтому, правильнѣе было бы называть булгаръ по двумъ именамъ этой рѣки Волга+ра. Языкъ булгаръ, по указанію Ибнъ-Гаукала, былъ тотъ самый, какой и у козаръ, т. е. смѣшанный персидско-турецкій. Булгарскіе ханы легко понимали турецкій, румелійскій языки, а съ принятіемъ ислама стали понимать, чрезъ изученіе вѣроятно, и арабскій языкъ.

---

[1]) См. «Древніе города Казан. губ.» Шпилевскаго. Бентингъ полагаетъ, что булгары владѣли пространствомъ между Волгою, Уральскими горами и Самарою. Татищевъ полагаетъ, что границею между русскими и булгарскими владѣніями служила р. Карениа, впадающая въ Волгу съ лѣвой стороны, выше г. Василя на 15 верстъ.

[2]) „Полный курсъ русской исторіи“, Иловайскаго.

[3]) На финско-эстонскомъ языкѣ Volho или Volhu означаетъ колдунъ и колдунья. Но вѣрнѣе всего, что слово Волга чисто русское, такъ какъ въ языкѣ русскихъ были имена Олегъ, Ольга и богатырь Вольга или Волга Святославовичъ. При томъ, надо замѣтить, что русскіе открыли первые путь по Волгѣ, отъ ея истоковъ и до самаго устья.

Несомнѣнно, булгары, поселившіеся на Волгѣ и вы тѣснившіе хозаръ, сложились въ государство ранѣе восто ныхъ славянъ или русскихъ. Въ началѣ VII в. уже упом нается о ихъ первомъ князѣ Туфѣ-ханѣ, умершемъ въ 63 году. Какъ булгары управлялись—имѣли ли одного обща для всѣхъ хана, или каждый городъ имѣлъ своего князя- остается неизвѣстнымъ. Профес. Баженовъ [1]) полагаетъ, чт у нихъ царила удѣльная система. По всей вѣроятност русскій князь Владиміръ, легко одолѣвшій разрозненны булгаръ, задалъ имъ хорошій урокъ. Со времени этой п бѣды булгары, на случай опасности, стали соединяться уж вмѣстѣ и чрезъ то сдѣлались сильными.

Какой либо общей прежней религіи у разноплеменны булгаръ не существовало. Всѣ они были прежде язычник ми, но въ началѣ X в. начинаетъ проникать въ среду и христіанство и магометанство, и послѣднее заглушило и подавило собою первые начатки христіанства. «Этотъ свѣт вѣры слабый, говоритъ про христіанство Баженовъ—тих мерцавшій во мракѣ язычества, исчезъ въ новомъ туманѣ навѣянномъ исламизмомъ». Исламъ здѣсь развился отъ тѣс ныхъ торговыхъ сношеній съ магометанскими народами. П арабскимъ источникамъ, булгары приняли магометанство в 921 году, а по татарскимъ—значительно ранѣе, именно пр ханѣ Айдарѣ, между 630—680 годами [2]). Нѣтъ сомнѣні что при ханѣ золотой орды, Узбекѣ, въ XIII в., булгар смѣшавшіеся съ татарами, были поголовно всѣ уже маго метанами.

Прежняя первоначальная разрозненность булгаръ, пле менная и по религіи, дѣлала ихъ слабыми. Кіевскій княз Владиміръ едва не обложилъ ихъ уже данью. Отправившис для покоренія Булгаріи на ладьяхъ по Волгѣ, вмѣстѣ с знаменитымъ Добрынею, воинственный князь побѣдилъ бу

---

[1]) „Казанская исторія", Баженова.

[2]) Татар. повѣствованіе изъ Ферсигъ-Наме говоритъ, что для обра нія булгаръ къ магометанской вѣрѣ посланы были изъ арабскаго калиф три пророка, изъ коихъ одинъ, по имени Гантала, держалъ рѣчь предъ хано Айдаромъ.

'аръ, разгромивши ихъ главный городъ на Волгѣ [1]). Но ко-
'да привели къ князю булгарскихъ плѣнниковъ, «Добрыня
оглядахъ колодникъ, иже вси въ сапозѣхъ, рече князю: симъ
ани не дати, пойдемъ искати лапотникъ». Владимиръ по-
лушался совѣта Добрыни, заключилъ съ булгарами миръ и
ъ дарами отъ нихъ возвратился въ свою столицу. Булгары
али ему торжественное обѣщаніе жить дружелюбно съ рус-
ким и соблюдать уговоръ до тѣхъ поръ, пока камень не
танетъ плавать, а хмель тонуть въ водѣ.

Но этотъ вѣчный договоръ свой булгары скоро нару-
шили, напавъ въ 1088 г. на Муромъ, русское укрѣпленіе,
оставленное на Окѣ. Вторженіе на русскую землю булга-
ы дѣлали не разъ. Такъ, въ 1183 г. они разорили Муромъ,
ородецъ и Рязань, а въ 1218 г. овладѣли, ненадолго, впро-
эмъ, городомъ Устюгомъ Великимъ.

Съ своей стороны русскіе не оставались предъ булга-
ми въ долгу и платили имъ десятерицею за набѣги, на-
дая на ихъ города и по Волгѣ и по Камѣ. Болѣе счаст-
вые и удачные походы противъ булгаръ были при вели-
хъ князьяхъ: Андреѣ Боголюбскомъ, въ 1164 г., при Все-
лодѣ III, въ 1183 [2]), и при Юріи Всеволодовичѣ, въ 1219
ду. Видя города свои разрушенными и взятыми съ бою,
лгары смирялись, просили мира и соглашались на всѣ
ловія побѣдителей. Но эта покорность была не долговре-
нная, и война съ булгарами продолжалась до вторженія
Россію монголо-татарскихъ народовъ.

При нашествіи татаръ, булгары первые подвергаются
ь разгрому. Полководецъ Батыя, Суббатай, въ 1236 г.,
ановился на всю зимовку въ ихъ главномъ городѣ, Бол-
ѣ. За то, что булгары ихъ кормили, татары отплатили

---

[1]) Въ русскихъ лѣтописяхъ о разрушеніи Владимиромъ Болгара ни-
не говорится, но татар. писатель XIII в. Ибнъ-Эль-Варди говоритъ, что
ъ городъ славецъ былъ какъ столица и пристань на Волгѣ, пока не былъ
тошенъ русскими въ 960 г. Эрбелотъ, на основаніи, вѣроятно, этого источ-
, утверждаетъ то же самое въ св. „Bibl Orient".

[2]) Въ этой битвѣ помогали великому князю половцы и одинъ изъ бул-
скихъ князей.

*

имъ самою черною неблагодарностію. Булгары отогрѣли себя змѣю. Какъ татары возблагодарили за пріемъ, об этомъ выразительно говорится въ нашихъ лѣтописяхъ «Безбожніи татары взяша главный великій городъ болгарскій и избиша оружьемъ отъ старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товары множество, а городъ их пожгоша огнемъ, и всю землю ихъ плѣниша».

Съ этого времени булгарское царство управлялось присылаемыми изъ Сарая намѣстниками, и, такимъ образомъ зависимость булгаръ отъ татаръ была значительно больше, чѣмъ у русскихъ Татары заставили булгаръ чеканить для себя монету.[1]) Видимо булгары, жившіе ближе къ столицѣ Золотой орды, тяготились игомъ дикихъ татаръ дѣлали попытки къ освобожденію себя отъ нихъ, пользуясь смутами въ Кипчакской ордѣ. Такъ князь Булатъ-Темиръ въ 1361 г. объявилъ себя независимымъ отъ Кипчакской орды. Но эта попытка стоила дорого булгарамъ. Ханъ Тохтамышъ въ 1391 г. страшно разорилъ Булгарію,—послѣ чего булгары не могли уже оправиться[2]). По татарскимъ же источникамъ, не Тохтамышъ разорилъ въ корень булгаръ, Тамерланъ или Темиръ-Аксакъ. Пользуясь ожесточенною войною Тохтамыша съ Тамерланомъ, сарайскій намѣстникъ въ Булгаріи Абд-Уллахъ-ханъ объявилъ, съ согласія булгаръ, себя независимымъ ни отъ кого. Это вызвало страшный гнѣвъ въ побѣдителѣ Тохтамыша, Темиръ-Аксакѣ. Тамерланъ съ несмѣтными полчищами устремился къ главному городу Булгаріи. Весь горизонтъ затмился пылью приближавшихся монголовъ. Закипѣла битва свирѣпая кровопролитная. Булгары съ своимъ ханомъ заперлись въ городѣ и защищались отчаянно. Но что они могли сдѣлать противъ этого великаго завоевателя, котораго не могъ одолить могущественный турецкій султанъ Баязетъ? Гор

---

[1]) О культурной сторонѣ булгаръ будетъ сказано мною въ слѣдующей г

[2]) Кстати замѣтить здѣсь, что этотъ независимый булгарскій ханатъ управленіемъ иноплеменныхъ князей, былъ очень слабъ. Новгородскіе куйники часто опустошали города этого ханата (въ 1366 г., 1371 и 1375 даже имѣли смѣлость продавать награбленное имущество въ г. Болгарѣ.

булгаръ былъ обращенъ въ развалины, Абд-Уллазъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими 124 князьями. Оставшіеся въ живыхъ жители казнены, а жены ихъ уведены въ рабство. Спаслась только самая незначительная часть булгаръ, скрывшаяся въ дремучихъ лѣсахъ.

На развалинахъ булгарскаго царства возникло другое, Казанское царство. Начало его могуществу положилъ, въ первой половинѣ XV в., ханъ Улу-Махметъ и его сынъ Махмутекъ. Но въ составъ этого новаго царства булгары входили только частью, смѣшавшись тамъ съ татарами, черемисами, мордвою и вотяками. Русскіе почему-то продолжали считать Казанское царство Булгарскимъ.

Новое казанское царство съ самаго его начала, со времени Улу-Махмета, встало къ русскимъ сосѣдямъ въ крайне враждебное отношеніе. Казанскіе татары часто нападали на русскія области, опустошали ихъ и уводили въ плѣнъ жителей городовъ и селеній.

Но русскіе, съ своей стороны, щедро платили за эти опустошенія до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не сокрушили силу и не увидѣли Казанскаго царства у ногъ своихъ колѣнопреклоненнымъ.

Сильный ударъ Казанскому царству нанесенъ былъ сыномъ Донского, великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ. Въ 1487 г. этотъ князь, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, опустошилъ города: Казань, Болгаръ, Жукотинъ и Кременчугъ. Этотъ князь сталъ уже слыть «завоевателемъ Булгаріи». оаннъ III Васильевичъ въ первый походъ въ 1469 году пустошилъ Казань и заставилъ царя Ибрагима просить ира. Но такъ какъ казанскіе татары послѣ этого мира тали вторгаться въ русскую землю при царѣ Аллеѣ, то оаннъ III предпринялъ, въ 1487 году, новый походъ ротивъ Казани. Послѣ упорной битвы Казань взята была усскими 9 іюля. Аллей со всѣмъ своимъ семействомъ доался въ руки побѣдителей. Іоаннъ далъ въ цари Казани рисяжнаго данника Аминя, заставивъ его и его народъ рисягнуть на вѣрность Московскому князю. Съ этого вре-

мени Іоаннъ III принялъ уже титулъ государя Болгаріи. Полнымъ покореніемъ Казани въ 1552 г., при царѣ Іоаннѣ IV, прекратилось навсегда существованіе Казанскаго или Болгарскаго царства.

Князья булгарскіе носили титулъ хановъ, эмировъ, царей и даже владавцевъ славянъ. Послѣдній титулъ, какъ особенно громкій, приписывали ханамъ и арабы, время отъ времени посѣщавшіе своихъ единовѣрцевъ. Изъ именъ булгарскихъ хановъ сохранились слѣдующія: Туфи-ханъ, Айдаръ-ханъ, Сеидъ-ханъ, Иръ-ханъ, Альмасъ-эль, Саклабъ-эмиръ или Джафаръ, Ахмедъ, Муменъ, Назиръ-Лидинъ-Аллаха и Илямъ-ханъ, при которомъ произошло вторженіе татаръ [1]). Столицею булгарскихъ хановъ былъ городъ Болгаръ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ Великимъ. Мѣсто этого города находится близъ г. Спасска, у самаго села Успенскаго, въ десяти верстахъ отъ Волги. По свидѣтельству Удъ-Деваира и другихъ татарскихъ писателей, Волга текла прежде у самаго подножія высокой горы, на которой стоялъ городъ Болгаръ. Это легко допустимо. Объ уклоненіи Волги отъ прежняго своего русла свидѣтельствуетъ множество озеръ и болотъ, разбросанныхъ по прибрежной части. Въ началѣ IX столѣтія въ Болгарѣ было только 520 домовъ, три мечети и три бани. Въ пору же цвѣтущаго состоянія Болгаріи въ этомъ столичномъ ея городѣ, служившемъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, жителей насчитывалось до 10 тысячъ, кромѣ гостей и проживающихъ временно въ этомъ городѣ. Городъ Болгаръ окруженъ былъ многолюдными слободами, въ которыхъ насчитывалось до ста тысячъ жителей [2]). Судя по сохранившемуся валу и рву, городъ заключалъ въ себѣ пространство въ 7 верстъ длины и 4 въ ширину; расположенъ былъ онъ въ видѣ неправильнаго овала. Внутри этого города стоялъ ханскій дворецъ, объ огромности коего свидѣ-

---

[1]) Сообщенія о именахъ булгарскихъ хановъ основаны на неясныхъ преданіяхъ татаръ и ихъ запискахъ, сбивчивыхъ и часто противорѣчащихъ одна другой.

[2]) „Казанская Исторія", Баженова.

тельствують остатки фундамента, имѣвшаго до 80 футовъ въ длину и ширину; по угламъ дворца стояли башни различной величины и формы; одна изъ башенъ имѣла видъ восьмиугольника.

Развалины бывшей столицы Болгаріи привлекають къ себѣ всѣхъ любознательныхъ путешественниковъ. Императоръ Петръ I, во время персидскаго похода, заѣзжалъ посмотрѣть на эти развалины. Онъ пробылъ здѣсь три часа. Высокая каменная башня, виднѣвшаяся издалека, привлекла его вниманіе. По пріѣздѣ сюда, онъ вошелъ по 74 ступенямъ на верхъ этой башни и отсюда осматривалъ окрестности. Государь замѣтилъ, что эта башня, въ $12^1/_2$ саж. высоты, давала булгарамъ всѣ выгоды въ военное время, потому что съ вершины ея открывалась даль во всѣ стороны, а это давало возможность булгарамъ предупреждать дѣйствія непріятеля. Петръ I объѣхалъ кругомъ вала, обращая вниманіе на все любопытное. Онъ оглядѣлъ четырехъ-ярусную башню, извѣстную подъ именемъ Черной Палаты, равно какъ Бѣлую Палату, съ ея вычурною кирпичною архитектурою и и фундаментомъ, имѣвшимъ форму креста. Петръ указалъ не вредить построекъ древнихъ, велѣлъ оковать высокую башню вверху желѣзными обручами и перевести на русскій языкъ эпитафіи на памятникахъ. Екатерина II, во время своего путешествія, въ 1767 г., по Волгѣ, также посѣтила развалины Болгара и на мѣстѣ убѣдилась, что указъ Петра I о сохраненіи древностей не соблюдался. Осмотрѣвъ развалины, она съ неудовольствіемъ писала Панину: «Сему одинъ гонитель Казанской архіерей Лука, который при покойной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ позавидовалъ и много разломалъ, и изъ иныхъ плитъ построилъ церковь, погреба, и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не вредить и не ломать сію древность» [1]). Посѣтившіе въ 1768 г.

---

[1]) Императрица указываетъ въ своемъ письмѣ, что она видѣла два весьма высокіе турецкіе минарета и „остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній". Вниманіе государыни и остановилось на матеріалѣ этихъ неважныхъ по архитектурѣ зданій: „Все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты вес

Болгаръ академики, Палласъ и Озерецковскій, насчитывали въ немъ 44 развалины, но теперь нельзя уже насчитать ихъ столько. Время наложило на все печать разрушенія; удивлявшая всѣхъ высокая башня давно уже рухнула, остались ничтожные остовы зданій да груды камней подъ тонкимъ слоемъ земли, поросшей крапивою и бурьяномъ. Разбросанныя кучи мусора, слѣды рва и вала—вотъ, что осталось отъ этой многолюдной столицы Болгаріи, отъ этого нѣкогда цвѣтущаго города, который Ференашъ называлъ золотымъ трономъ (solium aureum). Скоро быть можетъ, плугъ поселянина изгладитъ съ лица земли и послѣдніе остатки, а полночный вѣтеръ разнесетъ и самую пыль ихъ. Sic transit gloria mundi!

Видъ развалинъ Болгара можетъ производить сильное впечатлѣніе на образованнаго и глубоко чувствующаго путешественника. Свиньинъ, описавшій въ 1839 г. подробно развалины, имъ видѣнные, въ такихъ словахъ выражаетъ впечатлѣніе: «Можно ли равнодушно смотрѣть на могилу обширной столицы народа, нѣкогда богатаго, могущественнаго? можно ли безъ чувствъ, безъ размышленія, видѣть сіи нѣмыя, скудныя свидѣтельства его существованія?» Позднѣе его посѣтившій эти развалины авторъ Казанской исторіи (изд. въ 1847 г.) Баженовъ говоритъ: «Грустно смотрѣть на слѣды истребленія, на развалины высокихъ зданій, дворцовъ, мечетей, минаретовъ этой нѣкогда многолюдной, цвѣтущей и шумной столицы, съ царствовавшими тамъ восточными роскошью, нѣгою и наслажденіями!»

ма хорошей". Далѣе она указываетъ, что магометане „великое почтеніе питаютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины". Въ объясненіе сего прибавлю, что татары ѣздятъ на богомолье въ Болгаръ потому, что считаютъ въ немъ погребенными пять святыхъ мусульманскихъ мужей. Имена святыхъ булгаръ, по татарскимъ лѣтописямъ, слѣдующія: Султанъ-Уль-Арефинъ, Шеихъ-Гасанъ-Баери, Шеикъ-Шибли, мулла Гасанъ-Удинъ и Шеикъ Култи-Саманъ.

V.

Преувеличенная слава о культурѣ булгаръ.—Нравы и обычаи ихъ въ началѣ X вѣка.—Способность булгаръ къ подражанію.—Обезьянствующій булгарскій ханъ.—Производства и промыслы булгаръ.—Торговля булгаръ и ихъ предпріимчивый коммерческій духъ.—Причина, почему булгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей.—Ревность булгаръ къ исламу.—Христіанскіе мученики.—Причина паденія булгарскаго царства, по татарской лѣтописи.—Слабость булгаръ.—Опасное для нихъ сосѣдство.—Самобытность, жизненность и сила русскаго народа.—Гдѣ и въ комъ искать потомковъ булгаръ.—Удержавшійся доселѣ титулъ булгарскаго князя.

Слава о цвѣтущемъ состояніи Булгаріи и объ ея высокой, якобы, культурѣ замѣтно сильно преувеличена. Изъ предыдущей главы можно усмотрѣть, что булгары въ политическомъ отношеніи были слабымъ народомъ, который никогда не могъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ отъ захватовъ и опустошеній другихъ болѣе сильныхъ его народовъ.

О внутренней жизни булгаръ остались сказанія арабовъ, которые посѣщали своихъ единовѣрцевъ. Изъ сообщеній арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана, посѣтившаго въ X в. столицу булгаръ, видно, что они стояли въ это время на низкой степени цивилизаціи и были близки къ полудикарямъ. Обычаи и нравы булгаръ были грубые. Въ баню сходились оба пола и не стѣснялись своей наготы. Вмѣсто масла употребляли рыбій жиръ и потому запахъ отъ нихъ былъ противенъ. Умныхъ людей въ своей средѣ не терпѣли и подъ предлогомъ, что умному пора служить Богу, схватывали его и вѣшали на деревѣ, пока сгнившій трупъ не распадется по частямъ. Несомнѣнно, что здѣсь подъ умными людьми разумѣлись волхвы и чародѣи. Юридическіе обычаи до крайности были суровы. Воровъ, грабителей и прелюбодѣевъ привязывали за руки и за ноги къ четыремъ столбамъ и разсѣкали ихъ пополамъ. За убійство преступника запирали въ сундукъ и привѣшивали этотъ сундукъ къ высокому столбу до тѣхъ поръ, пока убійца не задыхался въ немъ. Измѣна, преступленіе противъ вѣры и другія тяжкія преступленія влекли за собою истязанія преступника до самой его смерти. Всѣ эти смертныя казни тѣмъ бо

лѣе были страшны, что правленіе въ Болгаріи, какъ и во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, было деспотическое и зависѣло отъ личнаго произвола управлявшихъ страною владыкъ.

Ибнъ-Фодланъ говоритъ, что онъ въ городѣ Болгарѣ наглядѣлся на такія диковинныя явленія, что и перечесть ихъ не въ состояніи. Просвѣщеннаго араба изумлялъ весь бытъ и строй жизни булгаръ. Булгарскіе эмиры за честь себѣ ставили именоваться кліентами Багдадскаго калифа. Отправляемыя послѣднимъ посольства они принимали съ особенною почестію, осыпая ихъ серебряными деньгами. Способность булгаръ къ подражанію арабамъ доходила до обезьяничества. Булгарскіе ханы показывали тому первый примѣръ. Булгарскій эмиръ Альмуса-эль-Саклабъ готовъ былъ, кажется, кожу съ себя снять, лишь бы походить на повелителя правовѣрныхъ. Узнавъ, что калифа зовутъ Джафаръ, а отца его Абдаллахъ, этотъ эмиръ, изъ подражанія калифу, рѣшилъ бросить свое прежнее имя и имя своего отца, дабы называться одинаковымъ именемъ съ калифомъ. По деспотической волѣ эмира въ одну минуту появились два имени Джафара: одно—какъ повелителя правовѣрныхъ, другое—какъ его кліента, эмира булгарскаго. Можно, однако, представить удивленіе подданныхъ булгаръ, когда они услыхали, на молитвѣ въ мечети, прозваніе Альмуса-эль-Саклабы чужимъ именемъ.

Зодчества булгары никакого не знали, и потому, для постройки мечетей и каменныхъ зданій, стали выписывать зодчихъ изъ Багдада. Сохранявшіеся долго остатки башенъ Высокой и Черной и Бѣлой Палатъ, по всей вѣроятности, сдѣланы были не булгарскою, а чужеземною рукою мастеровъ. Хотя, по словамъ другого арабскаго писателя, Ибнъ-Даста, у булгаръ не было монетъ своего чекана, но они впослѣдствіи научились это дѣлать. Чеканили они свои деньги, по образцу арабовъ, непремѣнно съ куфическими надписями. Въ дѣлѣ чеканки булгары къ XIII в. такъ уже изловчились, что татары, ихъ покорители, поручали имъ че.

канку монеты для Золотой орды. Городомъ, гдѣ производилась эта чеканка, былъ Болгаръ. Полагаютъ, что булгары умѣли дѣлать клинки для оружія и многія металлическія вещи: вѣсы, блюда, перстни, зарукавья и пр. Гончарное дѣло имъ также было хорошо знакомо. Находимые черепки изъ черной и красной глины, принадлежащіе булгарскому періоду, отличаются своей особенностію: они очень тонки. Главнымъ же предметомъ промышленности булгарской служила выдѣлка юфти. Эта промышленность у булгаръ развилась исстари, такъ какъ ихъ ханы собирали дань съ своихъ подданныхъ шкурами и кожами. Лучшая юфть и до сихъ поръ въ Азіи прозывается юфть-булгари или булгаръ, —названіе, которое сохранилось за нею со временъ существованія булгаръ. Съ выдѣлкою юфти неразрывно связано приготовленіе мѣховъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и это ремесло было знакомо булгарамъ, такъ какъ мѣха составляли одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли. Шкуры звѣрей они добывали отъ финновъ, живущихъ въ прикамскомъ краѣ, и отъ русскихъ, съ которыми водили торговлю. По словамъ арабскаго географа X в. Ибнъ-Гаукаля, русскіе привозили имъ въ продажу шкуры черныхъ куницъ или скиескихъ соболей; но сами булгары не ѣздили въ Россію для торговли, такъ какъ въ ней, будто бы, убивали всѣхъ иноземцевъ [1].

Если обработывающая промышленность булгаръ вызываетъ еще нѣкоторыя сомнѣнія, то промѣнивающая промышленность стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Булгары, по характеру своему, были прежде всего купцы. Въ дѣлѣ торговли

---

[1]) Весьма курьезны сообщенія этого арабскаго географа, писавшаго по слухамъ о Россіи. Онъ даетъ племенамъ и городамъ русскимъ такія имена и названія, которыхъ никогда и не существовало. „Руси три племени—говоритъ онъ—одно близъ Болгаріи; царь его живетъ въ городѣ Іунабѣ, который обширнѣе столицы Булгарской. Другое племя называется Артаями, царь его живетъ въ Артѣ, а третье, именемъ Джелабе, обитаетъ выше. Но для торговли никто не ѣздитъ далѣе Болгарской столицы; никто не ѣздитъ до Арты, ибо жители убиваютъ всякаго иноземца. Арта производитъ свинецъ и олово и звѣря, называемаго черною куницею или скиескимъ соболемъ. Русскіе жгутъ мертвыхъ и не брѣютъ бороды“. „The oriental Geography of Ebn-Haukal“.

они отличались большой предпріимчивостью. Они водили торговлю по Итилю (Камо-Волгѣ), по Вяткѣ и даже пробирались и на р. Бѣлую, которую они называли Бѣлой Воложкой. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ они торговали съ финскими племенами, съ славянами и даже вступали въ сношенія съ сибирскими народами. На югѣ они торговали съ армянами [1]), греками и персіянами. Между Болгаромъ, Харсумомъ и Харасаномъ производилась почти постоянная, помощію каравановъ, торговля. Предметами булгарской торговли служили юфть, различные мѣха, шерсть, медъ, орѣхи, мамонтова кость и сабельные клинки. Изъ Византіи они вывозили парчу, дорогія ткани, драгоцѣнные камни и проч. Складочнымъ мѣстомъ, откуда товары отправлялись на востокъ и обратно, служилъ городъ Болгары. Торговые интересы стояли у нихъ на первомъ планѣ. Заключая договоръ съ русскими, часто вынужденный, они непремѣнно заикнутся о томъ, чтобъ была безпрепятственная торговля между помирившимися сторонами [2]).

Помощію торговли сносясь съ другими народами булгары не усваивали отъ нихъ образованности. Безграмотность царила даже между трунами или ихъ знатными булгарскими людьми. Вотъ почему булгары не оставили по себѣ ни исторіи, ни лѣтописей. Позволительно думать, что арабскія надгробныя надписи, найденныя на памятникахъ булгаръ, составлены не ими самими, а наемною рукою посѣщающихъ ихъ арабовъ. Грамотнымъ учителямъ въ Болгаріи, по недостатку спроса, дѣлать было нечего и самихъ учителей приходилось уже призирать добрымъ людямъ, какъ указываетъ на то одна изъ приведенныхъ мною эпитафій.

Крѣпче всего булгары ухватились за исламъ. Ревность ихъ къ новой вѣрѣ простиралась до того, что они сами засылали миссіонеровъ къ князю Владиміру, который, однако-

---

[1]) Армяне, народъ также торговый, жили подолгу въ Болгарѣ и даже здѣсь умирали, какъ видно изъ сохранившихся въ Болгарѣ эпитафій на памятникахъ.

[2]) Объ этомъ Карамзинъ ничего не говоритъ, но такое указаніе встрѣчается въ „Исторіи Россійскаго Государства“, Стритера.

же, съ перваго слова отвергъ ихъ предложеніе принять магометанство [1]). Успѣшнѣе булгарскіе проповѣдники дѣйствовали среди башкиръ и сибирскихъ народовъ. Христіанъ, жившихъ въ ихъ владѣніяхъ, булгары старались обратить въ исламъ и, не достигши того, подвергали ихъ мученической смерти. Изъ числа замученныхъ булгарами остались извѣстными имена двухъ христіанъ: Авраамія и Ѳеодора [2]).

Какъ ни крѣпки были въ началѣ булгары въ принятой ими вѣрѣ магометанской, однако богатства, пріобрѣтенныя ими отъ торговли, изнѣжили ихъ и, при отсутствіи образованія, сдѣлали ихъ доступными одному разврату. На это именно и указываетъ татарская лѣтопись «Товарикъ-Булгаріе». Авторъ ея объясняетъ паденіе булгарскаго царства оскудѣніемъ вѣры и происшедшимъ оттуда растлѣніемъ нравовъ. «И наши булгары—говоритъ онъ—славились своимъ развратомъ. Ученые законными уловками разрѣшили брать проценты, а равно много было грѣховъ прелюбодѣянія и смертоубійства. По причинѣ же пьянства, они оставили моленіе въ пятницу, бросили обряды, употребляемые при совершеніи пятикратныхъ молитвъ, считали позволеннымъ пить бузу и пиво. Говоря, что у нихъ нѣтъ большого города, оставили соборное моленіе, порицали имама Шафи, говоря, что его слова—пустословіе; также оставили праздникъ

---

[1]) Кстати здѣсь замѣтить, что у насъ даже въ учебникахъ единственною причиною отказа Владимира отъ принятія ислама выставляется запрещеніе магометанствомъ вина. Между тѣмъ, въ лѣтописяхъ, Ипат. и Никон., указывается, что Владимиру исламъ по существу его ученія показался „гнуснымъ". Послы, съ своей стороны, нашли магомет. вѣру „недобрымъ закономъ", представляющимъ собою „смрадъ великъ". Посламъ не понравились даже и молитвенные рикаэты магометанъ.

[2]) Авраамій былъ одинъ изъ богатыхъ купцовъ, проживавшій по торговымъ дѣламъ въ Болгарѣ. Никакія прельщенія булгаръ и никакія ихъ угровы не заставили его отказаться отъ христіан. вѣры. Булгары обезглавили его 1 апрѣля 1230 г. Привезенное во Владиміръ тѣло сего мученика было встрѣчено великимъ княземъ, духовенствомъ и народомъ со свѣчами. Погребено оно въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ.—Ѳеодоръ, іерусалимскій уроженецъ, погубленъ, какъ надо полагать, за смѣлое и рѣзкое осужденіе магометанской вѣры.

жертвоприношеній—Курбанъ-Байрамъ. Вообще, стали грѣшны противъ Всевышняго Бога».

Изнѣженные роскошью булгары уповали уже болѣе на свое золото, чѣмъ на оружіе. Выходя въ поле противъ врага, они были не стойки и, при первой же неудачѣ, прятались въ городъ, надѣясь на защиту укрѣпленій его. Какъ скоро и этотъ способъ оказывался недостаточнымъ, они покупали миръ деньгами. Этимъ они роняли въ народѣ понятіе о ратной чести и пробуждали въ немъ сознаніе своего безсилія. Булгары платили окупы не только русскимъ князьямъ, но и новгородскимъ ушкуйникамъ.

Рядомъ съ булгарами жилъ другой народъ, сильный, воинственный и самобытный. Этотъ народъ былъ—русскіе. Не устоять булгарамъ было противъ этого народа, у котораго, по выраженію Карамзина, слава была колыбелью, а побѣда вѣстницею его бытія. Юное, крѣпкое, свѣжее русское государство, съ твердо развитою въ немъ идеею національности, носило въ себѣ зачатки самобытности, жизненности и силы, которой должны были, рано или поздно, покориться всѣ народцы и народы, населявшіе восточную половину Европы, между морями Бѣлымъ и Чернымъ, Балтійскимъ и Каспійскимъ. Могущественная длань этого народа распростерлась потомъ и дальше, за предѣлы Европы, отвоевавъ себѣ большія пространства въ Азіи.

Надо замѣтить, что этотъ русскій богатырь-народъ росъ медленно, но зато и прочно. Булгары встрѣтили этотъ народъ, можно сказать, еще въ младенчествѣ, но и тогда уже этотъ народъ сталъ пробовать свои пробуждающіяся силы на булгарахъ. Съ такимъ сильнымъ сосѣдомъ булгарамъ и другимъ народамъ, жившимъ на восточной половинѣ Европы, спорить и бороться было трудно. Отъ серьезнаго столкновенія съ русскимъ народомъ болгарское царство пало, и пало такъ, что ничего не оставило послѣ себя, кромѣ имени. Землями его, городами и мѣстами заселенія давно уже владѣютъ русскіе.

Самое имя булгаръ, камскихъ и волжскихъ, сохрани-

лось только въ исторіи; народъ исчезъ безслѣдно, и трудно теперь сказать, въ какихъ потомковъ переродился этотъ нѣкогда богатый, сильный по своей промышленности народъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, въ жилахъ казанскихъ татаръ всего болѣе течетъ крови булгаръ. Казанскіе татары, не безъ основанія, можетъ быть, величаютъ себя иногда именемъ «бурлгарлыкъ» [1]). Лѣсные башкиры Уфимской губерніи продолжаютъ звать себя и теперь булгарами [2]). Слѣдъ же существованія булгарскаго народа остался въ однѣхъ развалинахъ и названіяхъ урочищъ. Впрочемъ, это не все: титулъ булгарскихъ князей существуетъ и доселѣ. Въ полномъ титулѣ Россійскаго Императора, наравнѣ съ титулами царя Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, есть титулъ и Князя Булгарскаго.

VI.

Нѣтъ ничего въ русской исторіи темнѣе судьбы Вятки и земли ея.

Костомаровъ.

Устье Вятки.—Естественная граница для трехъ губерній.—Вятская земля; удобный путь въ нее.—Письменный первоисточникъ о Вятской землѣ.—Смѣлая предпріимчивость новгородцевъ.—Безпрепятственное разгуливаніе ихъ по чужимъ рѣкамъ.—Постъ и молитва предъ приступомъ.—Взятіе съ бою Чудскаго города.—Движеніе новгородцевъ съ устья Вятки.—Взятіе ими Черемисскаго города.—Постройка на красивомъ мѣстѣ областного города.—Чудо.—Обѣтъ вятчанъ.—Укрѣпленіе областного города.—Можно ли безусловно вѣрить вятской лѣтописи?—Возбуждаемое сомнѣніе слишкомъ покойнымъ путешествіемъ новгородцевъ по чуждой землѣ въ XII вѣкѣ.—Погрѣшность противъ исторіи.—Возможная ошибка въ лѣтахъ основанія Вятки.—Предполагаемый путь русской колонизаціи.—Лѣтописныя извѣстія о набѣгахъ на Вятку ушкуйниковъ.—Поселеніе русскихъ на вятской землѣ.—Послѣдній отпоръ пришельцамъ.—Первое упоминаніе о слободахъ и городахъ вятскихъ.—Самоуправленіе и отстаиваніе вятчанами своей независимости.—Вятская республика.

На пути отъ Чистополя въ Елабугу, близъ села Соколокъ, вливается р. Вятка, которая на большое пространство изрѣзываетъ правый холмистый берегъ Камы. Устье Вятки

---

[1]) См. кн. „Волга“ Раговина. Книга эта, въ трехъ частяхъ, содержитъ много свѣдѣній о Болгаріи.

[2]) „Географическіе очерки Россіи“, Воденюка.

не отличается шириною, какъ и всѣ притоки Камы. Вода въ Вяткѣ значительно свѣтлѣе камской, и потому-то, быть можетъ, вотяки назвали ее Серебряною рѣкой. Устье Вятки служитъ естественною границею для трехъ губерній. Казанская губернія здѣсь смѣняется Вятскою и Уфимскою. Первая идетъ по правому берегу Камы, а вторая—по лѣвому.

Прежде чѣмъ идти вверхъ по Камѣ, необходимо сказать о Вятскомъ краѣ, который имѣетъ свою собственную исторію.

По берегамъ Вятки лежалъ тотъ край, который извѣстенъ въ лѣтописяхъ подъ именемъ Вятской земли. Рѣка Вятка представляла удобный путь къ русской колонизаціи этого края.

О началѣ зарожденія здѣсь русской области сохранился одинъ письменный источникъ, называемый «Повѣсть о странѣ Вятской». Эта повѣсть принимается всѣми за Вятскій лѣтописецъ. Всѣ русскіе историки пользовались этимъ лѣтописцемъ [1]. Хотя эта лѣтопись доведена до половины XVI столѣтія и тѣмъ указываетъ какъ бы на старину ея составленія, однако есть большое основаніе полагать, что она составлена не раньше конца XVII вѣка [2].

Изъ этой вятской лѣтописи видно, что начало колоніи Вятки положили новгородцы своими завоеваніями. Въ 1174 году они, покинувъ Новгородъ, сѣли на суда при истокахъ Волги и плыли этою рѣкою до устья Камы, гдѣ на лѣвомъ берегу послѣдней заложили городокъ (?) съ намѣреніемъ остаться здѣсь. Услышавъ, что на р. Вяткѣ живетъ слабосильный народъ, обладающій многими землями и угодьями, половина поселившихся на Камѣ новгородцевъ отправилась вверхъ по Камѣ до Чусовскихъ мѣстъ. Отсюда, т. е. съ

---

[1]) „Повѣсть о Вятской странѣ" сохранилась въ двухъ главныхъ, съ незначительными варіантами, спискахъ: Миллеровскомъ и Толстовскомъ. Первымъ спискомъ пользовался Карамзинъ и другіе историки, а вторымъ—Костомаровъ.

[2]) Въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ говоритъ: „Во градѣ Хлыновѣ, гдѣ нынѣ кремль городъ, построены (были) житіе жителей кругомъ города". А этотъ кремль построенъ былъ только въ 1664 году.

устья Чусовой, они совершили громаднѣйшій переволъ по сушѣ до рѣки Чепцы, впадающей въ Вятку. Плывя уже по Чепцѣ (на прежнихъ ли своихъ судахъ, перетащенныхъ волокомъ, или на устроенныхъ вновь плотахъ —неизвѣстно) [1]), они стали покорять отяцкія жилища (вотяковъ), окруженныя земляными валами. Вступивъ чрезъ Чепцу въ Вятку, новгородцы увидѣли въ пяти верстахъ отъ устья Чудскій городокъ, стоявшій на высокой горѣ и хорошо укрѣпленный. Чудь называла, будто бы, принадлежащій ей городъ Болвановскимъ. Городъ этотъ понравился новгородцамъ и они рѣшили взять его ратію. Не надѣясь на свои силы, они прибѣгли къ небесной помощи. Съ этою цѣлію вся дружина дала зарокъ не пить и не ѣсть до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ городъ. Во все это время, готовясь къ бою, они молились угодникамъ Божіимъ Борису и Глѣбу, чтобы они помогли имъ въ битвѣ такъ же, какъ нѣкогда помогли Александру Невскому въ его побѣдѣ надъ супротивными Шведами. Начался приступъ для взятія города, и угодники помогли имъ одолѣть врага. Множество чуди и отяковъ было побито, а часть ихъ разбѣжалась по лѣсамъ. Новгородцы переименовали взятый съ бою городъ въ Никулицынъ и построили въ немъ, по обѣщанію, церковь во имя св. Бориса и Глѣба [2]).

Услышавъ о блестящемъ успѣхѣ своихъ товарищей, вторая половина новгородцевъ, сидѣвшая на Камѣ, рѣшила также испробовать свои силы въ завоеваніи [3]). Эти новгородцы избрали путь ближайшій и болѣе удобный. Они вступили въ устье Вятки и, дойдя до черемисскаго города Кок-

[1]) Вехтеревъ въ своемъ „Историч. очеркѣ Вятской губерніи" утверждаетъ, что они плыли по Чепцѣ на плотахъ. Онъ указываетъ также, что они проплыли устье Вятки по незнанію мѣстности и только, доплывши до устья Чусовой, увидѣли свою ошибку.

[2]) Никулицынское городище находится въ 12 верстахъ отъ Вятки; въ немъ и теперь сохраняются еще рвы и валы.

[3]) Въ Миллеровскомъ спискѣ прибавляется соображеніе, что они оставили основанный на Камѣ городокъ, „вѣроятно—потому, что опасались сосѣдственныхъ болгаръ".

шарова, начали штурмовать его, послѣ предварительной молитвы тѣмъ же угодникамъ Божіимъ. Угодники Божіи напустили на черемису видѣніе: черемисамъ, какъ они послѣ разсказывали, показалось, что, вмѣсто горсти русскихъ, на нихъ напало многочисленное войско. Устрашенные многочисленностью русской рати черемисы на другой же день разбѣжались въ разсыпную. Оставшіеся въ городѣ отворили ворота побѣдителямъ. Взятый городъ Кокшаровъ новгородцы переименовали въ Котельничъ (нынѣшній уѣздный городъ Вятской губерніи).

Возстановивъ чрезъ р. Вятку сношеніе между собою, обѣ половины завоевателей рѣшили построить общій, какъ бы уже областной городъ. Выборъ мѣста этого города указываетъ на ихъ естественный вкусъ. Они выбираютъ красивое мѣсто на высокой горѣ, обильное истекающими изъ горы источниками и стоявшее при устьѣ Хлыновицы, впадающей въ Вятку. По лѣтописи, самъ Богъ благословляетъ этотъ выборъ мѣста, ибо совершается слѣдующее чудо. Заготовленные нѣсколько выше по Вяткѣ лѣсные матеріалы въ одно утро сами, безъ всякаго содѣйствія рабочихъ, приплываютъ къ избранному мѣсту города. Основанный городъ названъ былъ Хлыновъ—нынѣшняя Вятка[1]). Въ немъ устроена была первая церковь во имя Воздвиженія Креста Господня. Жители Хлынова, начавшіе съ тѣхъ поръ прозываться вятчанами по имени р. Вятки, даютъ обѣтъ каждогодно 24 іюля, въ день взятія перваго города, приносить изъ Никулицына икону Бориса и Глѣба.

Областной городъ, помимо красоты мѣстоположенія, былъ удобенъ и въ стратегическомъ отношеніи. Онъ стоялъ на высокой крутой горѣ, у подножія которой, на восточной сторонѣ, протекала Вятка; съ сѣверо-запада же опоясывалъ его глубокій природный оврагъ. Вмѣсто городскихъ стѣнъ, жители стали ставить дома плотно одинъ къ другому, задними стѣнами на внѣшнюю сторону. Такой крѣпости на первый разъ достаточно было противъ туземцевъ. Потомъ,

[1]) Оффиціально Хлыновъ сталъ называться Вяткою только съ 1780 г.

когда городъ наполнился русскими, приходящими сюда изъ Устюга Великаго, съ береговъ Двины и изъ разныхъ городовъ, выкопанъ былъ съ незащищенной природою стороны глубокій оврагъ, а позднѣе и острогъ, съ башнями и валами. И «Новгородцы распространившася и начаша жити по всей Вятской странѣ». Мало по малу стали возникать кругомъ Хлынова разныя поселенія — погосты и села, такъ что образовался уѣздъ.

Вѣрить сказанію лѣтописца безусловно нельзя. Во первыхъ, потому, что онъ перепутываетъ по времени событія и впадаетъ въ погрѣшности противъ исторіи. Во вторыхъ, слишкомъ благочестивыми изображаетъ удалыхъ новгородцевъ (безъ поста и молитвы они шагу не дѣлаютъ). На самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ, благочестіе и характеръ первыхъ поселенцевъ Вятки далеко не таковы, какъ ихъ изображаетъ видимо набожный лѣтописецъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Прежде всего, самое путешествіе новгородской экспедиціи, разгуливающей въ XII в. по чужой землѣ, какъ бы теперь, возбуждаетъ сомнѣніе. Новгородцы не только безопасно путешествуютъ по Волгѣ и Камѣ, но еще и основываютъ городокъ на землѣ сильныхъ и воинственныхъ въ то время булгаръ, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ. Можно думать, что новгородцы обладали шапкой-невидимкой, потому что ни ихъ длинное путешествіе по тремъ рѣкамъ, ни ихъ восьмилѣтнее пребываніе въ основанномъ ими на Камѣ городѣ рѣшительно не замѣчены были никѣмъ. Г. Верещагинъ, не допускающій возможности подобнаго путешествія именно въ XII в., рельефно изображаетъ этотъ до крайности *покойный и безопасный* путь новгородцевъ. «Миновавъ волжскій Городецъ,—говоритъ онъ,—новгородцы спокойно вступаютъ въ предѣлы болгарскіе, плывутъ безостановочно по Волгѣ до Камы; здѣсь, *на болгарской землѣ*, строятъ городъ, точно на своей собственной территоріи; затѣмъ, ожидая еще лучшихъ мѣстъ, плывутъ и плывутъ, одни по Камѣ, другіе по Вяткѣ, и останавливаются только пото-

*

му, что имъ понравились два инородческіе городка, которыми они и овладѣваютъ по-суворовски». Необычайный волокъ или даже просто перевалъ отъ устья Чусовой до Чепцы можетъ вызывать еще больше сомнѣнія во всякомъ маломальски знакомомъ съ географическою картою[1].

Первая погрѣшность лѣтописца противъ исторіи (не говоря уже о другихъ) та, что онъ, называя годъ и число взятія Болванскаго города (1181 г., 24 іюня), указываетъ на побѣду Александра Невскаго надъ шведами, какъ на совершившееся уже событіе. Между тѣмъ невская побѣда надъ шведами совершилась значительно позднѣе, именно въ 1240 году. Въ означенный же лѣтописцемъ годъ Александръ Невскій и не былъ еще рожденъ.

Въ счетѣ лѣтъ событія завоеванія вятскихъ городовъ, или что то же въ основаніи русскими Вятки, лѣтописецъ ошибся ровно на двѣсти лѣтъ[2]). Это довольно ясно доказалъ А. С. Верещагинъ въ своихъ двухъ рефератахъ, читанныхъ имъ на Археологическомъ въ г. Ярославлѣ съѣздѣ. Приведенные имъ доводы для подтвержденія ошибки въ годахъ лѣтописца заслуживаютъ полнаго вѣроятія[3]). По его предположенію, первоначальное русское населеніе шло не съ устьевъ Камы или Вятки, а съ сѣвера—изъ Устюга и съ Двины и ея притоковъ, по торной дорожкѣ р.р. Юга, Моломы и Вятки.

Всѣ частности разсказа лѣтописца могутъ быть, съ

---

[1]) Карамзинъ въ своей исторіи старается уменьшить этотъ длинный перевалъ: онъ указываетъ, что новгородцы дошли по Камѣ до Осы. Такой перевалъ отъ Осы до Чепцы казался ему нѣсколько вѣроятнѣе.

[2]) По мнѣнію г. Верещагина, эту ошибку могъ сдѣлать не составитель лѣтописи, а переписчикъ, написавъ вмѣсто 6882 года 6682-й.

[3]) Первымъ и главнымъ доводомъ служитъ слѣдующій: въ теченіе 200 лѣтъ ни у одного изъ русскихъ лѣтописцевъ, записывающихъ самыя незначительныя вещи, не только нигдѣ не указывается на такое крупное событіе, какъ покореніе Вятки, но и не упоминается о Вяткѣ, между тѣмъ какъ съ 1374 г. начинаютъ встрѣчаться чуть-ли не каждогодныя извѣстія о Вяткѣ. Второй доводъ: Болгары, идя въ 1218 г. для разворенія и взятія г. Устюга, почему-то не тронутъ на пути вятскіе города, оставляя ихъ въ тылу за собою. А это указываетъ, что вятскихъ городовъ тогда еще не существовало, и русской окраиной на сѣверо-востокѣ Россіи служилъ въ XIII в. Устюгъ, а не Вятка.

нѣкоторымъ вѣроятіемъ, отнесены не къ 1174 году, а только къ 1374 г. Въ этомъ именно году въ первый разъ въ русскихъ лѣтописяхъ появляются сообщенія о набѣгахъ на Вятку. Въ Воскрес. лѣтоп. читаемъ: «Идоша на низъ рѣкою Вяткою ушкунцы разбойницы, 90 ушкуевъ, и *пограбиша Вятку* и шедше взяша Болгары, хотѣша и городъ зажещи, и даша имъ откупа 300 рублевъ. И оттуду раздѣлишася на двое: 50 ушкуевъ поидоша на низъ по Волгѣ къ Сараю, а 40 ушкуевъ поидоша вверхъ по Волзѣ, и дошедше Обухова, пограбиша все Засуріе и Маръ-кваньъ и, перешедъ за Волгу, суды вcѣ посѣкоша, а сами *поидоша къ Вяткѣ на конехъ*, и много селъ на Ветлузѣ идуще пограбиша».

Съ этого времени набѣги новгородцевъ-ушкуйниковъ на Вятку и Волгу дѣлаются все чаще и чаще. Нѣкоторые изъ этихъ ушкуйниковъ, замѣтно, разселяются по Арской или что то же Ватской уже землѣ [1]). Если подъ Ваткою въ это время нужно разумѣть поселеніе по теченію Вятки однихъ только инородцевъ, то эта Вятка, въ 1379 году, даетъ сильный отпоръ пришельцамъ, поселившимся среди нихъ. Въ этомъ году говорится «вятчане (впрочемъ, можетъ быть, и русскіе уже поселенцы) ходиша ратію на арскую землю и избиша разбойниковъ-ушкуйниковъ и воеводу ихъ Ивана Рязана, изымавше, убиша».

Этотъ отпоръ, данный туземцами-аборигенами Вятки, былъ хотя и сильный, но уже послѣдній, такъ какъ вскорѣ послѣ того Ватская страна начинаетъ уже упоминаться, какъ принадлежащая уже русскимъ.

О слободахъ вятскихъ упоминается въ договорной грамотѣ въ 1428 г., а о городахъ, безъ обозначенія ихъ названій,—только въ 1434 г. Судя по сообщеніямъ «Степен. книги» въ 1456 г., первыми Вятскими городами были Орловъ

[1]) Подъ Арской землей надо, кажется, разумѣть не ту землю, которая лежала близъ нынѣшняго Арска (городъ Казан. губ.), а земли вотяковъ въ предѣлахъ Вятской губерніи, по преимуществу Слободского уѣзда. Князь Курбскій называетъ селенія вотяковъ арскими: „вотецкій або арскій". Костомаровъ подъ арскими князьями разумѣетъ также вотскихъ князей: „Арскіе князь т. е. вотяцкіе князья".

и Котельничъ. Только въ 1459 г. упоминается тамъ же городъ Хлыновъ.

Несомнѣннымъ по Вятской лѣтописи является одно: начало покоренію Вятской земли положили новгородскіе выходцы, вѣрнѣе всего—ушкуйники. Они ввели здѣсь, по образцу Новгорода, вѣчевое управленіе,—о чемъ и упоминается въ повѣсти. «И тако новгородцы начаша общежительствовати самовластвующе, правими и обладаеми своими жители; и нравы своя отеческіе и законы и обычаи новгородскіе имѣяху на лѣта многа до обладанія великихъ князей Россійскихъ».

Далѣе упоминается въ повѣсти о нападеніяхъ на Вятку русскихъ князей, приводившихъ съ собою большія рати. Какъ эти князья (близкихъ и отдаленныхъ городовъ) ни старались покорить себѣ Вятку, попытки ихъ были безуспѣшны. Кромѣ русскихъ князей, вятчане подвергались нападеніямъ со стороны чуди, вотяковъ, черемисъ, также агарянскихъ народовъ: татаръ (вѣроятно, каринскихъ), бесермянъ, ногайцевъ и казанскихъ татаръ, приходящихъ съ Волги. Но всѣ эти непріязненныя нашествія, по лѣтописи, разбивались о стойкость вятчанъ, хранившихъ свою независимость. «Вятчане многое утѣсненіе имуще и разореніе, воюеми многажды и никакоже обладаеми бяху», говоритъ вят. лѣтописецъ.

О мѣстномъ самоуправленіи Вятки Карамзинъ говоритъ слѣдующее: «Принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, Вятчане составили маленькую республику, особенную, независимую въ теченіе двухсотъ семидесяти осми лѣтъ [1]), наблюдая обычаи Новгородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и духовенству».

Историкъ Костомаровъ еще лучше обрисовываетъ самостоятельность Вятчанъ: «Вятка—одна изъ всѣхъ русскихъ земель управлялась безъ князей; одна сохранила чистое народоправство, и не нуждалась въ княжеской власти».

---

[1]) Карамзинъ признаетъ годомъ основанія Вятки 1181; а годомъ прекращенія самостоятельнаго существованія 1459 г., при Василіи III.

VII.

«Хлы, хлы, хлы!» —Птичій крикъ, имѣвшій для Вятки нѣкое значеніе.—Составъ первоначальнаго населенія Вятки.—Несимпатичный характеръ его.—Сварливость и неуживчивость.—Гадливый и холодій поступокъ вятчанъ по отношенію къ новгородцамъ.—Нажива и грабежи; убійства и святотатства.—Въ дѣлѣ грабежа нѣтъ различія между врагами и союзниками.—Низкій поступокъ по отношенію къ плѣннику.—Презрительное средство исканія добычи.—Отношенія Вятки къ Москвѣ.—Подкупы и клятвопреступленіе.—Свѣтская власть духовенства.—Вятскіе попы.—Произвольные браки.—Кто стоялъ на стражѣ духовныхъ и политическихъ интересовъ русскаго народа?

Вятскій лѣтописецъ указываетъ, что когда новгородцы построили областной городокъ, то не знали, какимъ именемъ назвать его. Какъ разъ въ это время надъ рѣчкой пролетала птица, которая и прокричала: «хлы, хлы, хлы!» По этому крику они назвали рѣчку, впадающую въ Вятку, Хлыновцей, а городъ наименовали Хлыновымъ. Можно думать, что крикъ дикой птицы былъ вѣщимъ. Онъ указывалъ, что первоначальное населеніе Вятки состояло изъ разнаго рода *хлыновъ*, сошедшихся сюда во имя одной вольности.

И дѣйствительно, первоначальными поселенцами былъ всякій сбродъ: бездомные повольники, ушкуйники, бѣжавшіе рабы [Вятка издавна служила asilum servorum fugitivorum, какъ выражается про нее Герберштейнъ], всякаго рода шестники и бродники, у которыхъ на родинѣ были руки связаны. Здѣсь же они на просторѣ могли вольничать и творить, что угодно. «Основанная независимая Вятская община, говоритъ Соловьевъ, стала на сѣверо-востокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно южному Берладу и Тмутораканю» [1]). Костомаровъ, симпатично отнесшійся къ народоправству Вятки, выдвигаетъ слѣдующую сторону вятчанъ. «Въ Вяткѣ, говоритъ онъ, былъ гостепріимный пріютъ удальцамъ; тамъ происходили сборы на удалые выправы» [2]). Но похвала это, или порицаніе?

Хотя я и вятчанинъ, не скажу, что мнѣ крайне несимпатичными кажутся первые поселенцы Вятки, и я даже

---

[1]) „Исторія Россіи“, Соловьева, т. III.

[2]) „Сѣверн. народоправства,“ Костомарова.

радъ, что ихъ разсортировали впослѣдствіи по разнымъ городамъ. Какъ ни грубы были въ прежнее время нравы русскихъ, но вятскіе поселенцы были какими-то выродками Русской земли. Нѣтъ сомнѣнія, что завоевателями Вятки были новгородскіе ушкуйники, а этихъ ушкуйниковъ лѣтописи называютъ не иначе, какъ разбойниками. Какъ у лѣсныхъ разбойниковъ, у вятчанъ не было никакихъ общихъ интересовъ съ Россіею, ни понятій о чести и справедливости. Имѣя большую силу, они не участвовали ни въ Куликовской битвѣ, ни въ походахъ противъ Казани, которые предпринимали московскіе князья, начиная съ Димитрія Донского. Общая сварливость вятчанъ проявилась въ томъ, что они рѣшительно ни съ кѣмъ изъ русскихъ сосѣдей не могли ужиться въ мирѣ: ни съ двинянами, ни съ вологжанами, ни съ каргопольцами, ни съ бѣлозерцами, ни съ жителями береговъ Выми и Сысолы, ни даже съ своими союзниками устюжанами. Но самый гадливый поступокъ ихъ былъ по отношенію къ своей метрополіи, Новгороду. Новгородъ естественно хотѣлъ считать завоеванную его выходцами Вятку своей колоніею, но когда вятчане отказались отъ всякой къ нему зависимости, то «оставшіеся въ Новгородѣ людіе вознегодоваша на нихъ зѣло, вадяще на нихъ княземъ россійскимъ, нарицающе ихъ изъ Новгорода бѣглецами». Что же дѣлаютъ, по вят. лѣтописи, вятчане за справедливое названіе ихъ бѣглецами? Въ отмщеніе за ихъ укоризны они распускаютъ про новгородцевъ гнусную сплетню о томъ, что они, вятчане, живя въ Новгородѣ, вступили въ любовную связь съ ихъ женами и прижили дѣтей въ то время, когда мужья ихъ, по случаю войны, отсутствовали въ теченіе семи лѣтъ. Настоящіе уже холопы и съ холопьими чувствами!

Незаконная нажива и грабежъ стояли у вятчанъ на первомъ планѣ. Для этой цѣли они не только нападаютъ на булгаръ или татаръ, но и на русскіе города и селенія, жгутъ ихъ и предаютъ опустошеніямъ, убиваютъ русскихъ, грабятъ церкви и тащатъ оттуда сосуды, книги, свѣчи. Хо-

рошо же ихъ благочестіе, которое расхваливаетъ вятскій лѣтописецъ! Въ дѣлѣ грабежа добычи они готовы соединиться съ кѣмъ угодно, и при этомъ не различаютъ ни своихъ враговъ, ни союзниковъ. Такъ они, въ 1455 г., соединяются съ предводителемъ вогуличей, Асыкою, который жестоко разорилъ пермскую землю. Но чрезъ 12 лѣтъ послѣ они нападаютъ на своихъ прежнихъ союзниковъ вогуличей и уводятъ взятаго въ плѣнъ Асыку въ неволю въ Вятку. Устюжане были частыми союзниками вятчанъ въ походахъ противъ булгаръ и татаръ, но на устюжанъ же послѣ болѣе всего и обрушиваются нападенія вятчанъ. «Вологда, Устюгъ, Двинская земля—говоритъ Карамзинъ—опасались сихъ русскихъ норманновъ столько же, какъ и Болгарія».

Въ вятчанахъ не было и той чести, какая знакома лѣснымъ разбойникамъ. Обыкновенно разбойники, взявъ выкупъ за плѣннаго, отпускаютъ его изъ неволи и даже сами сопровождаютъ его до безопаснаго для него мѣста. Вятчане поступаютъ иначе: они и выкупъ вымотаютъ отъ плѣнника, и изъ неволи его не выпустятъ. Такъ случилось это, по лѣтописямъ, въ 1436 г., во время борьбы Василія II, Темнаго, съ Юріемъ Дмитріевичемъ, сторону котораго приняли вятчане. Вятчанамъ удалось однажды ночью выкрасть изъ палатки начальника московской судовой рати, ярославскаго князя Александра Брюхатаго вмѣстѣ съ его княгиней. Когда за отплывшими вятчанами погнались, то они приставили къ плѣнникамъ топоры и копья, говоря, что если хоть одинъ московскій воинъ пуститъ стрѣлу, то они убьютъ ихъ. Пришлось князю уговаривать своихъ, чтобъ не стрѣляли и не преслѣдовали похитителей. Князь за выкупъ себя и своей княгини посулилъ вятчанамъ дать громадный выкупъ въ 400 руб. Вятчане согласились на это. Послано было въ Ярославль за деньгами, и княжій казначей принесъ сполна обѣщанную сумму. Вятчане выкупъ взяли, а всетаки князя съ княгиней не выпустили и потащили съ собой въ неволю въ Вятку. Имѣли-ли они хотя какое-нибудь понятіе о чести?

Святотатствуя безъ зазрѣнія совѣсти въ русских

церквахъ, вятчане въ отношеніи татаръ вели себя еще хуже: они не довольствовались разореніемъ ихъ городовъ, но въ исканіи добычи они раскапывали гробы умершихъ [1]). Все это, можетъ быть, единичные случаи, но по своей совокупности они далеко не лестно характеризуютъ первоначальныхъ поселенцевъ Вятки. Можно представить себѣ, каково было ихъ самоуправленіе или такъ восхваляемое Костомаровымъ народоправство [2]).

Единственно похвальнымъ качествомъ вятчанъ служило то, что они всѣми силами отстаивали свою независимость и самостоятельность. Но и это желаніе свободы едва ли не вытекало изъ побужденія—моему праву никто не препятствуй. Московскаго владычества, съ его порядками и узаконеніями, они боялись болѣе всего. Отношенія Вятки къ Москвѣ были всегда враждебны. Я не буду здѣсь подробно касаться отношеній вятчанъ къ московскимъ князьямъ. Скажу кратко: Москва умѣла не разъ смирять необузданныхъ вятчанъ. Посылаемыхъ на Вятку съ ратію воеводъ вятчане старались подкупить добрыми «поминками», давая въ то же время крестное цѣлованіе быть на всей волѣ московскихъ князей. Но это крестное цѣлованіе имъ было ни почемъ: они не разъ ему измѣняли. Василій III Ивановичъ, однако, заставилъ уже въ 1459 г. вятчанъ быть данниками Москвы и располагать ихъ воинскими силами.

Въ исторіи русской церкви Филарета Черниговскаго указывается, что вятчане поручили власть надъ своей республикою духовенству. Если это дѣйствительно такъ было, то можно поздравить вятское духовенство съ тѣмъ, что оно

---

1) Соф. Временникъ, подъ 1472 г.

2) О внутреннемъ управленіи Вятки не сохранилось никакихъ документовъ. Но изъ лѣтописей видно, что вятчане не всегда повиновались своимъ начальникамъ или „ватаманамъ", заставляя послѣднихъ быть, противъ желанія, орудіями общественной воли. Такъ, въ 1486 г. воевода ихъ Костя Юрьевъ, сторонникъ Москвы, не хотѣлъ вести полки вятчанъ для разоренія устюжскаго города Осиновца, но его заставили вести. Помощію хитрости ему удалось, однако, сбѣжать отъ своихъ въ Осиновецъ, а оттуда и въ Москву. Объ этомъ и о другихъ „вожахъ" есть очерки, подъ заглавіемъ: „Замѣчательные, но забытые вятчане", Верещагина.

рѣшительно не имѣло никакого благодѣтельнаго вліянія на нравственность своихъ пасомыхъ и подчиненныхъ. Духовенство это подтвердило только русскую пословицу: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Вятскіе попы набирались невѣдомо откуда. Они только, замѣтно, льстили дурнымъ инстинктамъ своей паствы. Какъ видно изъ грамотъ московскихъ митрополитовъ, эти попы готовы были обвѣнчать кого угодно хоть на родной сестрѣ; церковныя правила ими игнорировались: они вѣнчали и въ четвертый, и даже седьмой браки. Хорошо было, значитъ, имѣющее и свѣтскую власть духовенство!

Не вятское духовенство съ его свѣтскою властію было на стражѣ духовныхъ и даже политическихъ интересовъ русскаго народа, а московское. Среди Москвы появлялись дѣйствительно великіе святители, которые были озабочены мыслію о единеніи русскаго народа въ одно цѣлое и внушали этому народу высокіе духовные идеалы. Изъ слѣдующей главы мы увидимъ, какъ эти святители радѣли и пеклись и о далекой вятской паствѣ, укрывавшейся за непроходимыми лѣсами и дебрями.

VIII.

Малочисленный народъ Вятки, управляемый законами демократіи, сдѣлался ужасомъ своихъ сосѣдей, дерзкими грабителями, не щадя и самыхъ единоплеменниковъ.

Карамзинъ.

Мирные пути.—Грамоты московскихъ митрополитовъ, характеризующія вятчанъ.—Посланіе къ нимъ св. Іоны.—Два посланія Геронтія.—Изгнаніе изъ Вятки великокняжескаго намѣстника.—Московская облава.—Незваные Вяткою гости.—Тяжелый для вятчанъ ультиматумъ.—Нежеланіе ихъ разстаться со своею вольностію.—Мышка и кошка.—Взятіе Хлынова.—Разселеніе вятчанъ по разнымъ городамъ.—Казнь вятскихъ коноводовъ.—Границы прежней Вятской земли.—Военныя доблести вятчанъ.—Новое населеніе Вятки и характеръ оная.—Постройка каменныхъ зданій.

Въ то время, когда московскіе князья старались силою оружія обуздать своевольныхъ и непокорныхъ вятчанъ, московскіе святители хотѣли уладить это дѣло мирнымъ пу-

тѣмъ, чрезъ посредство слова и увѣщанія, заботясь прежде всего о подчиненіи Вятской церкви власти епископской.

Сохранились два посланія московскихъ митрополитовъ: одно—св. Іоны и другое—Геронтія. Оба эти посланія характеризуютъ вятчанъ съ дурной стороны. Св. митрополитъ Іона, близко знавшій вятчанъ, въ своемъ посланіи къ нимъ, въ 1452 г., напоминаетъ имъ о шести крестныхъ цѣлованіяхъ, которыя они давали великому князю въ небольшой промежутокъ времени. Святитель заклеймилъ вятчанъ названіемъ «злыхъ и кровопролитныхъ человѣкъ». О вятскомъ духовенствѣ онъ пишетъ: «зовущеся священницы, священства своего не знали».

Митрополитъ Геронтій, въ княженіе Іоанна III, Васильевича, отправилъ къ вятчанамъ двѣ укоризненныя и вмѣстѣ увѣщательныя грамоты: одну духовенству, другую жителямъ Вятки. Въ посланіи къ вятскимъ священникамъ митрополитъ даже сомнѣвается, дѣйствительно ли они духовныя лица. «Мы не знаемъ—пишетъ онъ—какъ васъ называть; не знаемъ, отъ кого вы получили поставленіе и рукоположеніе». Затѣмъ святитель укоряетъ ихъ, что ихъ духовныя дѣти, вятчане, не наблюдаютъ церковныхъ правилъ о бракахъ (кто же въ этомъ виноватъ, какъ не священники?): женятся они, будучи во сватовствѣ и родствѣ, иные совокупляются четвертымъ, пятымъ, шестымъ и даже седьмымъ бракомъ». Изъ посланія видно, что вятскіе священники и знать не хотѣли никакого епископа. Въ концѣ посланія митрополитъ грозитъ этимъ «зовущимъ себя священниками, игуменами, попами, діаконами и черноризцами», что если они не познаютъ святителя, то на нихъ наложится тягость церковная, т. е. отлученіе отъ церкви.

Посланіе къ вятскому народу обращено на имя «воеводъ, атамановъ и всего Вятскаго людства». Это посланіе еще болѣе живописуетъ нравы и обычаи вятчанъ. «Вы—писалъ митрополитъ—только что зоветесь христіанами, а дѣлаете одни злыя дѣла: обидите святую соборную апостольскую церковь, русскую митрополію; разоряете церковные

законы, грубите своему государю великому князю, приставаете къ его недругомъ, соединяетесь съ погаными (т. е. татарами), воюете его отчину (т. е. принадлежащія Москвѣ селенія и города), губите христіанъ убійствомъ, полономъ и грабежомъ, разоряете церкви, похищаете изъ нихъ куань (сосуды и другія металлическія вещи), книги и свѣчи, да еще челомъ не бьете государю за свою грубость». Онъ грозилъ имъ, въ случаѣ непослушанія, что онъ прикажетъ священникамъ затворить всѣ церкви и выйти прочь изъ Вятской земли, на которую наложитъ проклятіе.

Но и эти посланія и грамоты московскихъ іерарховъ, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣли силы для вятчанъ, искусившихся уже въ ложной присягѣ. Вятчане, хотя и охотно помогали Іоанну III усмирять новгородцевъ, почитаемыхъ ими за исконныхъ своихъ враговъ, но сами не изъявляли великому князю покорности. Когда посланъ былъ къ нимъ московскій намѣстникъ, то они этого великокняжескаго уполномоченнаго прогнали прочь отъ себя. Оставалось великому князю одно—покончить съ Вяткою силою оружія.

Съ этою цѣлію Іоаннъ двинулъ, въ 1489 г., противъ Вятки сильное войско, состоящее изъ 64 тысячъ. Предводителями назначены были князь Данило Щеня и Григорій Морозовъ. Московское войско составлено было преимущественно изъ сѣверныхъ сосѣдей вятчанъ (именно: устюжанъ, двинянъ, вологжанъ и проч.). Всѣ эти сосѣди немало уже терпѣли отъ набѣговъ и разоренія вятчанъ и охотно шли противъ нихъ съ желаніемъ отомстить своимъ извѣстнымъ недругамъ. Іоаннъ III, имѣвшій уже нѣкоторую власть надъ Казанью, приказалъ царю казанскому Махмедемину прислать вспомогательное войско. По этому требованію 700 казанскихъ татаръ, предводимыхъ Уракомъ, явились 2 августа и соединились подъ Котельничемъ съ московскими воеводами. Страшная московская сила опустошительной грозой прошла по Вятской землѣ. Городъ Котельничъ первый испыталъ эту грозу. 16 августа московская сила появилась подъ Хлыновымъ. Жи-

тели этого города не ожидали, чтобы столько незванныхъ гостей, хотя и старыхъ знакомыхъ имъ, явилось у нихъ подъ стѣнами. Сопротивляться было уже невозможно. Вятчане попробовали прибѣгнуть къ прежнему средству—подкупить воеводъ и заискать ихъ милость. Съ этою цѣлію они выслали воеводамъ хорошіе поминки. Воеводы эти поминки приняли, но дали хлыновцамъ опасъ только до другого дня. На другой день вельможи Вятки вышли изъ города, поклонились воеводамъ и сказали: «Покоряемся на всей волѣ великаго князя, и дань и службу даемъ». Воеводы отвѣчали: «цѣлуйте крестъ за великаго князя (т. е. давайте ему присягу на подданство) и выдайте трехъ вашихъ измѣнниковъ и крамольниковъ». А этими крамольниками, поддерживающими смуту въ народѣ и убѣждавшими вятчанъ къ непокорности князьямъ московскимъ, были слѣдующія лица: Иванъ Оникіевъ, Пахомій Лазаревъ и Пашка Богодайщиковъ. Вятчане сказали на это: «дайте намъ сроку до завтрея».— «Даемъ»,—отвѣчали воеводы и отпустили ихъ.

Вятчане поняли, что отъ нихъ неудовольствуются уже ни данью, ни службою: приходилось навсегда проститься съ прежнею вольностію. А это было, разумѣется, и тяжело, и больно... Народные вожди трепетали уже за свою участь, зная, что имъ, въ случаѣ выдачи, не сносить своихъ головъ на плечахъ. Для нихъ особенно тяжелы были эти дни и ночи колебаній, раздумываній и общаго смятенія...

Проходитъ день, а отъ вятчанъ нѣтъ отвѣта; проходитъ и другой, противъ уже условія, и также нѣтъ никакого отклика. Воеводы, вѣроятно, понимали душевное состояніе вятчанъ и терпѣливо ждали. Наконецъ, на третій день, появился отъ вятчанъ категорическій отказъ. Мышка, попавшая пока на слабые еще зубы кошки, захотѣла въ послѣдній разъ встать предъ кошкой на дыбки и убѣжать. Но изъ мягкой доселѣ лапки кошки показался и острый коготокъ...

Воеводы перестали уже церемониться съ непокорною Вяткою. Всѣ воины принялись, по указу воеводъ, за дѣло. Деревянныя жилища вятчанъ легко было сокрушить огнемъ.

Орудія для взятія города были уже наготовѣ: объ этомъ особенно поусердствовали раздраженные сосѣди вятчанъ. Каждые пятьдесятъ ратниковъ тащили уже по двухсаженному плетню, другіе несли смолу и бересту. Вскарабкавшись на высокіе плетни, они начали чрезъ стѣны города бросать огненные приметы. Загорѣлась Вятка, загорѣлось и сердце вятчанъ, но дѣлать было нечего: плетью обуха не перешибешь. Пришлось поневолѣ уступить.

Вятчане отворили ворота, ударили челомъ и выдали трехъ требуемыхъ крамольниковъ, отстаивавшихъ вольность вятскую. Воеводы приказали выданныхъ коноводовъ заковать въ цѣпи и отдать подъ наблюденіе устюжанамъ, которые со всею зоркостію стерегли своихъ бывшихъ грабителей.

Воеводы дѣйствовали уже по плану Іоанна III. Въ карманѣ у нихъ хранился уже наказъ, что дальше дѣлать съ Вяткой. 1 сентября повезли плѣнное населеніе Вятки въ московскіе предѣлы [1]). Великій князь велѣлъ ихъ разселить въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, гдѣ имъ даны усадьбы и земли. Торговыхъ же людей поселили въ Дмитровѣ. Вятскихъ коноводовъ привезли въ Москву и расправились съ ними жестоко: ихъ приказано высѣчь сначала кнутомъ, а потомъ повѣсить. Драть съ одного вола по двѣ и болѣе шкуры позволялось тогда народными обычаями. Вмѣстѣ съ плѣнными воеводы захватили и арскихъ, т. е. вотяцкихъ князей, вѣроятно имѣвшихъ какое-либо значеніе въ вятской земли. Но Іоаннъ III не счелъ ихъ для себя опасными и, взявъ отъ нихъ обѣщаніе хранить вѣрность ему, отпустилъ ихъ домой съ миромъ.

Такъ пала Вятка, какъ самостоятельная область, основанная на дебряхъ и болотахъ, между Камою и Югомъ, устьемъ Вятки и Сысолою. Вытѣснивши первобытныхъ обитателей изъ мѣстъ привольныхъ, Вятка первая внесла въ этотъ край

---

1) Въ лѣтописяхъ говорится: „а на Семень день (т. е. подъ 1 сентября) всю Вятку развели“. Карамзинъ разумѣетъ подъ этимъ не все поголовно населеніе Вятки, а только „нарочитыхъ (знатныхъ) земскихъ людей, гражданъ, купцовъ съ женами ихъ и дѣтьми“. Томъ VI.

кой-какую гражданственность и нѣкоторыя начала христіанства. Въ военныхъ доблестяхъ вятчанъ нельзя было и сомнѣваться: они отличались смѣлостію, предпріимчивостію, отвагою и изворотливостію. Ихъ ловкость была изумительна: они были хорошими пластунами, ищейками и проворными судоходами. Никто изъ русскихъ не умѣлъ такъ быстро носиться по водѣ на вятскихъ «зѣло скороплавающихъ корабленцахъ», какъ они. Ни одинъ булгарскій или татарскій набѣгъ на ихъ область не оставался безъ должной отместки. Полагаясь на свои собственныя силы, Вятка никогда не прибѣгала къ исканію чужеземной помощи,—какъ это дѣлалъ господинъ Великій Новгородъ. Помянемъ же прежнихъ вятчанъ добромъ и извинимъ имъ многое во имя прежнихъ господствовавшихъ повсюду грубыхъ нравовъ... Пускай потомки этихъ вятчанъ, разселившіеся по разнымъ городамъ нашей имперіи, совершенствуются въ добрѣ и сохранятъ свою отвагу на защиту общаго всѣмъ отечества.

Новое населеніе Вятки, смѣнившее прежнее, «писалося вѣрными слугами великому князю московскому». Оно слѣдовало иному уже строю и положило начало прочной гражданственности. Нѣтъ сомнѣнія, что оно отличалось дѣйствительнымъ благочестіемъ, вполнѣ повинуясь въ духовномъ отношеніи своимъ пастырямъ-владыкамъ. Въ лѣтописяхъ есть указаніе, съ какою радостію оно встрѣчало въ 1674 г. назначеннаго въ Вятку архіерея Іону. «И обрадовашася вятскіе страны жителіе своему владыцѣ, якѡ Богу, и срѣтоша его честно и богоугодно». Преосвященный Іона оправдалъ ихъ надежды. До сихъ поръ въ Хлыновѣ понятія не имѣли о каменныхъ зданіяхъ. При Іонѣ вызванными изъ Москвы мастерами сооружены были въ Хлыновѣ семь каменныхъ церквей[1]). Своей ревностію о благочестіи и примѣ-

[1]) Въ числѣ каменныхъ церквей устроенъ былъ главный храмъ во имя Успенія Божіей Матери въ мужскомъ монастырѣ, основанномъ въ концѣ XVI столѣтія преподобнымъ Трифономъ. Трифонъ не былъ уроженцемъ Вятскаго края. На 22 году принявъ схиму въ Пискорскомъ монастырѣ, онъ долгое время жилъ въ Пермскомъ краѣ. Вся жизнь его была—непрерывные труды, за- подвиги христіанскіе. Узнавъ, что на Вяткѣ нѣтъ иноческаго житія,

ромъ собственной жизни архипастырь этотъ [1]) оставилъ въ жителяхъ о себѣ память, какъ о святомъ человѣкѣ. Есть большое основаніе полагать, что набожный вятскій лѣтописецъ жилъ во время управленія Іоны вятскою и пермскою епархіею и потому судилъ о благочестіи первыхъ поселенцевъ Вятки по современному состоянію жителей, съ благоговѣніемъ отправлявшихъ всѣ крестные ходы.

Трифонъ оставилъ Пермь и черезъ Чердынь, Кай и Слободской пришелъ, въ 1580 г., въ Хлыновъ, съ намѣреніемъ основать здѣсь обитель. Жители Хлынова въ началѣ не совсѣмъ ласково приняли его. Но вскорѣ искренняя набожность и его смиреніе внушили къ нему общее уваженіе, и тогда то онъ приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Первою церковью въ основанномъ Трифономъ монастырѣ была церковь во имя Благовѣщенія. Кончина Трифона послѣдовала 8 октября 1614 г. Чрезъ 70 лѣтъ послѣ его кончины, когда стали строить каменную церковь, пришлось перенести его гробъ въ часовню. При этомъ перенесеніи архіепископъ Іона освидѣтельствовалъ тѣло умершаго. Мощи Трифона оказались въ нетлѣніи, риза и схима невредимы, подпись на схимѣ сохранилась. Мощи Трифона положены были въ новую гробницу.

[1]) Іона былъ возведенъ въ санъ архіепископа Вятскаго и Великопермскаго, и это званіе за вятскими преосвященными удерживалось до 1733 г.

IX.

Идутъ къ намъ Борисъ и Глѣбъ да Егорій свѣтъ.

Вятское присловье.

Вникать въ священность многовѣковой набожности, вчитываться въ смыслъ этой живой лѣтописи и поучаться дивному храненію родной страны подъ всепромыслительнымъ перстомъ Божіимъ,—это въ высшей степени поучительно, благотворно и отрадно для вѣрующаго сердца.

Архимандритъ Іосифъ.

Обиліе крестныхъ ходовъ въ Вяткѣ, какъ одномъ изъ старинныхъ русскихъ городовъ.—Пересмотръ побудительныхъ причинъ крестныхъ ходовъ и сдѣланное завѣщаніе вятскаго епископа.—Первое появленіе въ Вяткѣ церковной литературы.—Запоздалость для историковъ сдѣланныхъ записей.—Значеніе народныхъ преданій и легендъ.—Стариннѣйшій въ Вяткѣ крестный ходъ.—По случаю какого событія присоединили къ иконѣ Бориса и Глѣба икону Георгія побѣдоносца.—Свѣтлая мысль въ двухъ крестныхъ ходахъ.—Симпатичная черта въ характерѣ русскаго народа.—Ношеніе желѣзныхъ стрѣлъ въ крестномъ ходѣ.—Ночная религіозная церемонія въ с. Волковѣ.—Легенда объ иконѣ „Спасъ Колотый“.—Оправдывающія эту легенду названія урочищъ.

Вятскій лѣтописецъ, вмѣстѣ съ сообщеніями о завоеваніи, основаніи и заселеніи Вятки, повѣствуетъ подробно о построеніи первыхъ ея церквей и установленіи крестныхъ ходовъ. Дѣйствительно, Вятка, какъ и другіе древніе русскіе города, отличается множествомъ крестныхъ ходовъ, которые установлены по религіознымъ побужденіямъ, вслѣдствіе историческихъ событій, или особенныхъ, чудесныхъ знаменій.

Время, когда установлены эти крестные ходы, неизвѣстно. Лѣтописецъ многіе изъ нихъ пріурочиваетъ къ самому началу Вятки, основанной, будто бы, еще въ концѣ XII столѣтія. Когда преосвященный Іона прибылъ въ Хлыновъ для управленія Вятскою епархіею, эти крестные ходы уже существовали и отправлялись съ большою торжественностію. Онъ обратилъ вниманіе на источникъ и побудительныя причины къ установленію оныхъ и, убѣдясь, что въ учрежденіи крестныхъ ходовъ нѣтъ никакого суевѣрія и корыстныхъ видовъ духовенства, не только утвердилъ ихъ, но даже сдѣ-

лалъ завѣщаніе совершать эти ходы и будущимъ своимъ преемникамъ. «За благословеніемъ архіерейскимъ» начинаютъ съ того времени среди духовенства появляться записи о церковныхъ событіяхъ, основанныхъ на мѣстныхъ преданіяхъ. «Во всякомъ случаѣ, говоритъ г. Верещагинъ, такія записи были уже очень позднія, слишкомъ отдаленныя отъ времени событій, причемъ самыя преданія, конечно, видоизмѣнялись, преувеличивались, относились ко времени древнѣйшему, чѣмъ самыя преданія» [1]). Для историковъ такія записи о древнихъ событіяхъ имѣютъ, дѣйствительно, ничтожную цѣну.

Согласно сдѣланному заглавію, я буду сообщать всякія преданія, не входя при этомъ въ критическій разборъ и оцѣнку таковыхъ. Преданія и легенды, какъ я думаю, помимо той или другой степени ихъ достовѣрности, уясняютъ намъ воззрѣніе народа и самый духъ народный. Религіозная же сторона преданій имѣетъ, на мой взглядъ, еще болѣе глубокій смыслъ. Она указываетъ настроеніе жителей извѣстной мѣстности, намекаетъ на исканіе въ извѣстную эпоху идеаловъ въ жизни, которыми проникается и живъ бываетъ народъ. Безъ этихъ идеаловъ, въ какой бы своеобразной формѣ они ни выражались, существованіе народа было бы крайне бѣднымъ, пустымъ и, пожалуй, легко бы опошлилось. Поэты, воплощающіе народные идеалы, пользуются справедливо заслуженною славою.

Первый и самый стариннѣйшій крестный ходъ въ Вяткѣ есть, несомнѣнно, тотъ, который совершается изъ села Никулицына въ Вятку. По сообщенію вятскаго лѣтописца, онъ установленъ по обѣту новгородскихъ выходцевъ, приступавшихъ, съ слабыми силами, ко взятію Чудского Бол-

---

1) Г. Верещагинъ, въ примѣчаніи къ своимъ двумъ рефератамъ, высказываетъ догадку, что, быть можетъ, и самый Вятскій лѣтописецъ составленъ былъ „за благословеніемъ архіерейскимъ“. Въ той настойчивости, съ которою лѣтописецъ 4 раза упоминаетъ въ своей краткой повѣсти о крестныхъ ходахъ, г. Верещагинъ усматриваетъ предвзятую мысль лѣтописца, именно: уяснить вятчанамъ, что крестные ходы, совершаемые въ Вяткѣ, учреждены по поводу самыхъ замѣчательныхъ на Вяткѣ событій.

*

вановскаго города. Объ этомъ обѣтѣ и установленіи хода на вѣчныя времена лѣтописецъ говоритъ въ яркихъ и образныхъ выраженіяхъ. «И обѣщашася святымъ страстотерпцемъ княземъ россійскимъ Борису и Глѣбу вселѣтнюю память творити, образъ ихъ святый съ Никулицына въ градъ Хлыновъ приносити и кругъ града хожденіе чинити и праздновати честнѣ, дабы долгими лѣты и времена незабвенны были бывшія чудеса о поселеніи ихъ на Вяткѣ, еже и до нынѣ тое память обновляюще по вся лѣта празднующе». Самый тонъ рѣчи лѣтописца, возвышенный и степенный, указываетъ, на мой взглядъ, и его благочестіе, и уваженіе къ тому, что онъ почитаетъ для себя за одинъ изъ его идеаловъ.

Вскорѣ къ этому ходу присоединился Волковскій крестный ходъ, съ ношеніемъ иконы Георгія Побѣдоносца. Это установленіе имѣло также историческую подкладку.

Когда Хлыновъ наполнился жителями, то устроились около него три погоста: Волковскій, Воскресенскій и Богоявленскій. Эти-то слабо заселенные русскими погосты и подверглись нападенію туземныхъ инородцевъ. Вотяки и черемиса, сначала испуганные и обезкураженные внезапнымъ нашествіемъ русскихъ пришельцевъ, мало по малу пришли въ себя и, соединившись вмѣстѣ, рѣшились вытѣснить вятчанъ изъ занятыхъ ими мѣстъ. Съ этой цѣлію они внезапно напали сначала на Воскресенскій и Богоявленскій погосты и разрушили ихъ дотла. Но въ Волковскомъ погостѣ они встрѣтили со стороны русскихъ сильный отпоръ и понесли пораженіе. Побросавъ здѣсь свои стрѣлы, они съ ужасомъ бѣжали въ свои селенія. При этомъ добавляется въ статьѣ архимандрита Іосифа [1]), что они, будто бы, въ такой степени убѣдились въ могуществѣ пришлыхъ насельниковъ, что уже не рѣшались послѣ нападать на Хлыновъ и не смѣли помышлять объ изгнаніи ихъ. Кому и чему приписать было чудесное избавленіе горсти русскихъ отъ соединеннаго на-

[1]) Его статья: „О крестныхъ ходахъ Вятскихъ“, напечатанная въ „Памятной книжкѣ Вятской губерніи“ за 1870 г.

шествія иноплеменниковъ? Разумѣется, не себѣ, не своему мужеству и отвагѣ, а чудесной помощи св. Георгія, имени котораго посвящена церковь. Съ этою цѣлію установленъ былъ новый крестный ходъ съ иконою Георгія Побѣдоносца въ Хлыновъ. «И ради частаго нашествія чуди, отяковъ и черемисъ обѣщася вятскіе града Хлынова и уѣздные жители великомученику, страстотерпцу и побѣдоносцу Георгію по вся лѣта подважды изъ села Волкова приносить образъ его святый во градъ Хлыновъ и встрѣчать со освященнымъ соборомъ и со всѣмъ народомъ со свящами и праздноватъ» — говоритъ лѣтописецъ. О. Іосифъ приводитъ и то соображеніе, какимъ руководился вятскій народъ при учрежденіи этого крестнаго хода. «Если св. мученики Борисъ и Глѣбъ завоевали мѣста для ихъ поселенія, то св. Георгій Побѣдоносецъ, такъ сказать, отстоялъ тѣ мѣста и навсегда упрочилъ за ними. Какая свѣтлая и утѣшительная мысль выражается крестнымъ ходомъ изъ селъ Никулицына и Волкова!» Помимо свѣтлой мысли, я усматриваю въ характерѣ вятчанъ общую всему русскому народу черту характера.

Эта національная и симпатическая черта заключается въ его христіанскомъ смиреніи, приписывающемъ всякія одержанныя побѣды небесной помощи. Рельефнѣе эта сторона выразилась въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда, по случаю избавленія Россіи отъ нашествія Наполеона, выбита была, по указанію Императора Александра I, медаль съ надписью: «не намъ, не намъ, а Имени Твоему». Въ прежнее время, за иконой св. Георгія, носили окованныя желѣзомъ стрѣлы, которыя непріятель побросалъ и которыя хранились въ Волковской церкви. Объ этомъ обычаѣ упоминаетъ и лѣтописецъ. Но, вѣроятно, ношеніе этихъ трофеевъ побѣды признано неудобнымъ [1]) и стрѣлы были отобраны, — о чемъ со-

[1]) Если бы въ Москвѣ и Петербургѣ носить за крестнымъ ходомъ всѣ трофеи, отбитые у непріятелей, какъ-то: значки, знамена, пушки, мортиры, ключи отъ взятыхъ русскими городовъ, то потребовалось бы для этого ношенія трофеевъ побѣды цѣлое войско. Если въ Россіи никогда не носились за крестнымъ ходомъ болѣе важные трофеи побѣдъ, то какъ же могло случиться, что носили въ Вятскомъ крестномъ ходѣ какія-то ничтожныя, самодѣльныя вотскія стрѣлы.

жалѣетъ о. Іосифъ. Указывая на недостатокъ особой торжественности этого хода, онъ съ удовольствіемъ останавливаетъ вниманіе на той ночной церемоніи, которая бываетъ въ с. Волковѣ, при возвращеніи изъ Вятки крестнаго хода. «Въ это время зажигаются свѣчи въ рукахъ многочисленной массы, покрывающей все пространство отъ часовни до Волковской церкви (2 вер.), которая также освѣщается извнѣ и внутри; а всадники ставятъ зажженныя свѣчи надъ головами лошадей. Такимъ образомъ, составляется движущаяся рѣка съ огненными волнами, среди которыхъ проходитъ въ церковь образъ св. великомученика Георгія. Чѣмъ темнѣе ночь и спокойнѣе погода, тѣмъ лучше образуется зрѣлище».

Остается сказать объ одной прекрасной легендѣ, съ которой соединяется воспоминаніе объ одномъ историческомъ для Вятки событіи.

Хотя о. Іосифъ и говоритъ, что послѣ Волковскаго пораженія инородцы не смѣли уже помышлять объ изгнаніи русскихъ, но это не вполнѣ вѣрно: глухой ихъ протестъ, переходившій нерѣдко въ открытую борьбу, тянулся, вѣроятно, цѣлыми вѣками. На это есть указаніе въ самомъ вятскомъ лѣтописцѣ [1]). Черемиса, болѣе воинственные, чѣмъ вотяки, нерѣдко тревожили вятскія селенія и города своими нападеніями и внезапными набѣгами, соразмѣряя свои силы съ силами защищающихся.

Одно изъ такихъ нападеній они сдѣлали въ 1609 г. на село Верховское (въ 85 вер. отъ Вятки). Жители этого села не въ состояніи были оказать должное сопротивленіе: село было начисто ограблено и опустошено; ограблена была и церковь, въ которой находилась особенно чествуемая явленная икона Преображенія Господня. Въ числѣ награбленныхъ вещей черемиса захватили и этотъ образъ Спасителя. Но такъ какъ деревянная икона для черемисъ не предста-

---

[1]) Въ вятскомъ лѣтописцѣ часто указывается на неоднократность нападеній инородцевъ. „Найпаче же отъ чуди, отяковъ и черемисъ.... многое утѣсненіе имуще и разореніе, воюеши многажды"... Въ другомъ мѣстѣ говорится: „и ради частаго нашествія чуди, отяковъ и черемисъ" и проч.

вляла никакой цѣнности, то они, расположившись на отдыхъ послѣ переправы чрезъ р. Великую, раскололи ее на три части и употребили вмѣсто мебели. Но едва только они сѣли на эти доски, какъ немедленно же были поражены слѣпотою. Не сознавая поруганія святыни, они сочли эти доски волшебными и въ страхѣ паническомъ побросали ихъ въ воду. Но это дѣйствіе не избавило ихъ отъ слѣпоты. Часть черемисъ, видѣвшихъ это чудо, побѣжала куда попало, а другая стала перебираться ощупью, отыскивая себѣ дорогу. Находившіеся на лугу русскіе по оставленной на берегу части награбленнаго добра легко смѣтили о хищности бѣжавшихъ черемисъ. Они бросились за ними въ погоню. Слѣпыхъ черемисъ живо переловили; часть же бѣжавшихъ черемисъ, спасавшихся отъ преслѣдованія, погибла въ близъ лежащемъ болотѣ. Сохранившіяся доселѣ названія урочищъ—«Хватовщина» и «Гиблово болото»—свидѣтельствуютъ о мѣстѣ поимки и о мѣстѣ гибели черемисъ. Перенятыя въ рѣкѣ доски священной иконы чудеснымъ образомъ сложились и какъ бы срослись, такъ что и теперь можно видѣть только шрамы на колотыхъ мѣстахъ. Отсюда и произошло названіе «Спасъ Колотый», данное иконѣ Преображенія. Благоговѣніе къ сему образу усилено было впослѣдствіи по случаю многократныхъ чудесъ, явленныхъ предъ нимъ во времена моровыхъ повѣтрій. Эту-то святую и чудотворную икону приносятъ разъ въ годъ изъ с. Верховскаго въ Вятку.

X.

Вятскій крестный ходъ на р. Великую.—Время установленія хода и поводъ къ оному.—Два варіанта легендъ о явленіи иконы Николая Великорѣцкаго.—Перенесеніе явленной иконы въ Хлыновъ и данный при этомъ обѣтъ.—Неисполненіе обѣта и наказаніе.—Первое ношеніе иконы въ Москву.—Чудо во время пребыванія иконы въ Москвѣ.—Особенности, отличающія шествіе иконы по городамъ.—Царскія украшенія этой иконы.—Вторичное ношеніе иконы въ Москву и новыя царскія украшенія этой иконы.—Описаніе Великорѣцкаго хода и впечатлѣніе, производимое онымъ.—Мѣстные обычаи при крестномъ ходѣ.—Революція вятскаго епископа Лаврентія.—Временное прекращеніе Великорѣцкаго хода.—Непонятый и неоцѣненный современниками пастырь церкви.—Дальнѣйшая исторія Великорѣцкаго хода.—Высочайшая революція Императора Николая I.

Въ предыдущей главѣ указавъ на три историческихъ крестныхъ хода, я сдѣлалъ бы непростительный промахъ, если бы не упомянулъ о Великорѣцкомъ крестномъ ходѣ съ иконою св. Николая чудотворца. Этотъ крестный ходъ самый многолюдный въ Вяткѣ, самый замѣчательный и глубоко почитаемый вятскими жителями. Хотя этотъ ходъ не имѣетъ за собою воспоминанія какого либо историческаго событія, тѣмъ не менѣе онъ важенъ уже тѣмъ, что выражаетъ собою идеальную сторону вятскихъ жителей, отличающихся, какъ я раньше упомянулъ, своею набожностію.

Время установленія этого крестнаго хода неизвѣстно. Съ большою вѣроятностію можно отнести учрежденіе Великорѣцкаго хода или къ началу XV в., или даже къ концу XIV. Поводомъ къ этому крестному ходу послужило нахожденіе чудотворной иконы св. Николая близъ р. Великой, въ рощѣ, надъ источникомъ. Въ древней рукописи Синодальной библіотеки[1]) составитель сказанія объ этой иконѣ говоритъ, что онъ не можетъ сказать, когда она явилась. Полагаютъ, однако, что явленіе иконы произошло въ княженіе Дмитрія Донского, въ 1383 г.,—на что указываютъ мѣстныя церковныя записи[2]).

---

[1]) Рукопись синодальной библіотеки, XVII в., № 410.

[2]) Есть сказаніе о явленіи образа св. Николая въ двухъ редакціяхъ: одна болѣе древняя и простая, другая витіевато написанная, уже „за благословеніемъ архіерейскимъ", т. е. уже въ концѣ XVII в., при преосв. Іонѣ. Въ позднѣйшей редакціи и встрѣчается указаніе на годъ явленія иконы.

Такъ какъ у архимандрита Іосифа, подробно описавшаго всѣ Ватскіе крестные ходы, почему-то не сооббщается подробностей самаго событія—явленія иконы, то я разскажу это по другимъ источникамъ.

Хитрово въ журналѣ своемъ, писанномъ въ Вяткѣ въ 1811 году, такъ разсказываетъ объ этомъ явленіи, разумѣется по слухамъ. «Одинъ крестьянинъ, примѣчая сряду три ночи сіяніе въ лѣсу, вмѣстѣ съ товарищами рѣшился идти посмотрѣть, отчего происходитъ оное. Сколь велико было ихъ удивленіе, когда подлѣ источника нашли они небольшой образъ, окруженный свѣчами. Изумленные симъ чудомъ, они погасили свѣчи и понесли образъ къ себѣ домой, желая на другой день объявить о семъ начальству. Удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда они поутру не нашли у себя образа. Они отправились опять на прежнее мѣсто, стали искать образа, однако не нашли и рѣшились дожидаться ночи. Когда наступилъ тотъ часъ, образъ и свѣчи снова появились; крестьяне пали на колѣна, и послѣ краткаго моленія побѣжали объявить о семъ чудѣ архіерею, который отправилъ туда все духовенство, чтобы поднять образъ и принести его въ городъ. Съ тѣхъ поръ сія икона творила много чудесъ надъ жителями больными и увѣчными» [1]).

Историкъ Костомаровъ, несомнѣнно имѣвшій подъ рукою письменные источники, разсказываетъ объ этомъ явленіи иначе:

«Черемиса препятствовали разселенію русскихъ. Однажды толпа поселенцевъ, хотѣвшихъ основаться на земляхъ нынѣшняго Яранскаго уѣзда, подверглась ихъ нападенію. Русскіе бѣжали отъ нихъ и въ бѣгствѣ покинули образъ Николая чудотворца. Много времени спустя послѣ этого событія, въ 1383 г., какой то поселянинъ зачиналъ поселеніе близъ той горы, гдѣ покинутъ былъ образъ, и выбралъ себѣ

[1]) Изъ статьи Хитрово нужно принимать въ соображеніе только самый фактъ явленія иконы, разсказанный имъ по слухамъ или, что то же, по преданію. Сообщенія же Хитрова о желаніи крестьянина объявить начальству или архіерею не заслуживаютъ уже вѣроятія.

мѣсто для усадьбы на берегу ручья. Однажды онъ отправился въ лѣсъ за деревомъ и увидалъ свѣтъ: онъ окружалъ образъ; по этому признаку поселянинъ нашолъ образъ и поставилъ у себя въ новоотстроенной избѣ. Около него стали селиться другіе, заводилось и умножалось поселеніе. Тогда образъ оказался цѣлебнымъ и чудотворнымъ, и въ избу поселянина стали стекаться богомольцы. Вѣсть объ этомъ дошла до Хлыновского духовенства, оно стало помышлять, какъ бы пріобрѣсти такое сокровище для города. Жители деревни долго ни за что не уступали образа; едва городскіе жители упросили ихъ уладить дѣло такъ, чтобы изъ Хлынова каждогодно совершать крестный ходъ въ эту деревню и приносить туда образъ. Такимъ образомъ установленъ былъ каждогодный крестный ходъ въ эту деревню, построенную на берегу р. Великой».

Изъ этихъ двухъ разсказовъ видно, что явленіе иконы Николая Чудотворца совершилось среди простого люда и при особой обстановкѣ: необычайное сіяніе, окружавшее образъ, и чудотворенія, вскорѣ же исходящія отъ святой иконы. Но ни тотъ, ни другой разсказчикъ, въ причинахъ перенесенія этой иконы въ Вятку, не согласуются съ сообщеніями лѣтописца, во всякомъ случаѣ болѣе древняго. Причина перенесенія иконы была самая простая: опасались нашествія черемисъ, которые могли похитить дорогую для русскихъ святыню. «Слышавшіи людіе города Хлынова о многочудесномъ семъ образѣ и о нахожденіи невѣрныхъ черемисъ (которые могли бы похитить св. икону), совѣтъ благъ о томъ всенароднѣ сотворше, восхотѣша той чудотворный образъ съ Великія рѣки взяти въ богоспасаемый градъ Хлыновъ»,— говоритъ лѣтописецъ. По этому общему и благому совѣту, святая икона перенесена была съ благоговѣніемъ въ Троицкую церковь (нынѣшній каѳедральный соборъ)[1].

---

[1]) Въ позднѣйшемъ сказаніи указывается на два чуда: одно совершилось при построеніи Великорѣцкой церкви, другое при перенесеніи иконы въ Хлыновъ. Первое чудо весьма сходно съ тѣмъ, о какомъ упоминаетъ вятск. лѣтописецъ при построеніи Хлынова.

Не ради упрашиваній и не ради сдѣлки и условій съ крестьянами установленъ былъ крестный ходъ на р. Великую, а ради особыхъ религіозныхъ побужденій жителей, желавшихъ, вѣроятно, помнить мѣсто явленія иконы и освятить воспоминаніе о семъ молитвенными дѣйствіями. Это и проще, и естественнѣе, чѣмъ какая то искусственная сдѣлка съ крестьянами, не хотѣвшими уступить святыню на пользу общую. Когда икона была перенесена въ Хлыновъ, тотчасъ же, въ чувствѣ духовной радости, и состоялось рѣшеніе «во вся лѣта съ люботруднымъ тщаніемъ ходити самимъ вмѣстѣ съ чудотворнымъ образомъ св. Николая на чудотворное мѣсто его явленія и по возвращеніи встрѣчати его съ великою честію, со всенароднымъ торжествомъ».

Изъ лѣтописи видно, что вятскіе жители заупрямились или облѣнились однажды, предъ 1551 г., исполнить данный обѣтъ—носить икону на р. Великую. За это послѣдовало наказаніе Божіе: среди лѣта (съ 1 іюня по 12) появился страшный холодъ, который угрожалъ неурожаемъ и голодомъ, и тогда «паки обѣщася по вся лѣта ходити неотложно».

Слухъ о бывающихъ предъ сею иконою чудотвореніяхъ [1]) распространился не только по всей вятской землѣ и сосѣднихъ съ нею областяхъ, но и дошелъ до Москвы. Покоритель казанскаго царства, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, пожелалъ видѣть и помолиться предъ иконою Николая Великорѣцкаго, и она была приносима въ Москву въ 1557 г. [2]). Пребываніе вятской святой иконы въ Москвѣ ознаменовано, по лѣтописи [3]), слѣдующимъ чудомъ. Въ Москвѣ, въ память побѣды надъ Казанью, воздвигался Покровскій соборъ на рву (нынѣшняя церковь Василія Блаженнаго). По плану въ этомъ соборѣ намѣчено было восемь придѣловъ. Всѣ эти

---

1) Обо всѣхъ чудесахъ отъ иконы св. Николая, бывшихъ со времени появленія ея до 1711 г., записано въ рукописной книгѣ, хранимой въ Вятск. каѳедр. соборѣ.

2) Въ сказаніи позднѣйшемъ есть ошибка въ годѣ ношенія иконы: тамъ названъ, вмѣсто 1557 г., 1552 годъ. Въ своей статьѣ о. Іосифъ не исправилъ эту ошибку, согласно другимъ источникамъ.

3) См. „Юферевъ врем.“, подъ 1570 г.

придѣлы, при первоначальной постройкѣ, были уже обозначены и указаны имена святыхъ, которымъ придѣлы были посвящены. Противъ ожиданія строителей, вдругъ ясно обозначается самъ собою девятый придѣлъ, доведенный постройкой до той же степени, до какой доведены были восемь придѣловъ. Раздумывать долго о томъ, чьему имени посвятить чудесно явившійся придѣлъ, было нечего. Общій голосъ приписалъ это чудо находившейся въ Москвѣ вятской святой иконѣ, и девятый придѣлъ нарекли церковью Николая Великорѣцкаго. Самое шествіе иконы по городамъ ознаменовано было какими то особенностями. Такъ, въ лѣтописи говорится, что св. угодникъ Николай, шествуя мимо Казани, по Москвѣ и Устюгу, «многихъ людей прощалъ» [1]). Царь сдѣлалъ щедрыя и богатыя украшенія къ этой святой иконѣ. На счетъ его царской казны устроенъ былъ новый позлащенный съ чернетью окладъ (ободокъ) къ образу св. Николая, а на самый ликъ угодника положена была золотая риза, украшенная дорогими каменьями.

Св. икона Николая Великорѣцкаго побывала два раза въ Москвѣ. По волѣ воцарившагося Михаила Θеодоровича, икона эта была, въ 1615 г., вторично приносима въ Москву. Кроткій и набожный царь, избранный гласомъ всего русскаго народа, захотѣлъ, съ своей стороны, сдѣлать украшеніе для святой и чудотворной иконы. Къ иконѣ былъ устроенъ золотой крестъ съ святыми мощами и надѣтъ убрусъ, низанный жемчугомъ съ дробницами.

Теперь умѣстно указать на проводы и встрѣчу иконы св. Николая и впечатлѣніе, производимое Великорѣцкимъ ходомъ. Описаній этихъ встрѣчается множество, но я выбираю изъ нихъ болѣе старинное, составленное Хитрово въ

---

[1]) Въ Арханг. лѣт. значится подъ 1557 г. слѣдующее: «Того же лѣта, послѣ Покрова въ седмой день, послѣ обѣда, стрѣчали со кресты устюжана всѣмъ городомъ у Воздвиженья Николу Великорѣцкаго: шелъ съ Москвы отъ царя и великаго князя, а къ Москвѣ ѣздилъ съ Вятки мимо Казань, и многихъ людей прощалъ по городамъ, и въ Москвѣ, и на Устюгѣ". Историки, Соловьевъ и г. Забѣлинъ, въ своихъ сообщеніяхъ о лжецаревичѣ Ивашкѣ Клеопинѣ (1671 г.), переводятъ лѣтописное „прощалъ" словами: „творилъ чудеса".

1811 г. Сенльный генералъ-маіоръ Хитрово видѣлъ проводы иконы на р. Великую, и это зрѣлище, замѣтно, произвело на него впечатлѣніе сильное. «Сія церемонія—пишетъ онъ—привлекаетъ множество набожныхъ людей и приноситъ церкви ежегоднаго дохода до нѣсколько тысячъ рублей. Каждый годъ въ продолженіе шести недѣль [1]) носятъ образъ. Стеченіе народа, сопровождающаго оный и приходящаго ему во срѣтеніе, чрезвычайно велико. Иногда болѣе 15 тысячъ человѣкъ [2]), движимыхъ благочестіемъ, приходятъ сюда въ минуту отправленія, составляющаго великолѣпное зрѣлище на водѣ. Все духовенство шествуетъ въ процессіи до рѣки въ богатыхъ облаченіяхъ; шлюпка о 12 веслахъ, хорошо и богато украшенная, ожидаетъ принятія образа и духовенства. Все пространство рѣки, въ минуту отплытія онаго, покрывается лодками, полными людей, слѣдующими за процессіей на разстояніи 25 верстъ. Стеченіе народа въ разныхъ одеждахъ, звонъ колоколовъ во время шествія представляютъ зрѣлище плѣнительное. Наконецъ, смѣю увѣрить, что картина сія можетъ почесться единственною, и я не видалъ ни одной церемоніи духовной, которая могла бы сравниться съ ней. Положеніе мѣста, разнообразные виды, рѣка на версту разливающаяся,—все это приводило меня въ такое восхищеніе, котораго не можетъ изобразить слабое перо мое».

Если большая часть жителей восхищается зрѣлищемъ Великорѣцкаго хода, то глубоко религіозные люди проникаются при этомъ совершенно иными чувствами и всего менѣе желаютъ, чтобы крестный ходъ представлялъ собою только одно зрѣлище для глазъ. Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ вятскій епископъ Лаврентій I (1733—1737). Этотъ преосвященный глубже вникъ въ христіанскій смыслъ крестнаго хода и несочувственно отнесся къ Великорѣцкому ходу, представляющему одно только внѣшнее зрѣлище, безъ

[1]) Это невѣрно: крестный ходъ съ иконою св. Николая продолжается всего только 7 дней.

[2]) Теперь собирается народу на проводы иконы отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ.

всякаго внутренняго содержанія и идеи, положенной при установленіи этого хода. Къ такому несочувственному взгляду побудили духовнаго вятскаго владыку, главнымъ образомъ, нѣкоторые мѣстные обычаи, придающіе крестному ходу не только характеръ зрѣлища, но и пиршества. Надо замѣтить, что во время семидневнаго ношенія святой иконы всѣ сопровождающіе на стругахъ икону, за немногими исключеніями, кормились на общій счетъ, т. е. на счетъ доброхотныхъ дателей. Для нихъ рѣзались бараны, приносимые живьемъ, и подносилось пиво. Несмотря на то, что отплытіе иконы начиналось 21 мая, выборные старосты заготовляли судовые и съѣстные припасы, равно и вареніе пива, еще съ ноября мѣсяца. Вотъ эта то сторона крестнаго хода и была по справедливости непріятна преосвященному Лаврентію. Когда струговой староста обратился къ нему съ прошеніемъ о выдачѣ ему заимообразно изъ церковныхъ суммъ 500 руб. на заготовленіе матеріаловъ для стругового плаванія и на покупку съѣстныхъ припасовъ, нужныхъ во время пути для богомольцевъ, то преосвященный отказалъ ему въ этой просьбѣ, прибавивъ въ своей резолюціи слѣдующія замѣчательныя слова: «Сей крестный ходъ, судя по прежде бывшему учрежденію (съ съѣстными припасами), походилъ больше на нѣкое пиршество, а не истинное моленіе. Первенствующая церковь учредила крестные ходы для общенароднаго моленія съ тѣмъ, дабы истинные богомольцы, со всякимъ смиреніемъ и благоговѣніемъ принося всемилостивому Богу теплыя молитвы, умилостивляли праведный гнѣвъ Божій, и для того крестнымъ ходомъ всегда святый постъ послѣдовалъ, а не пиршество. Сообразуясь сему первенствующія церкви святому учрежденію, и мы поступать такъ должны» 1). Затѣмъ сдѣлано было архіереемъ распоряженіе,

1) „О крестныхъ ходахъ вятскихъ". Въ статьѣ архимандрита Іосифа, прекрасной во многихъ отношеніяхъ, встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія. Такъ, на стран. 61, говорится, что епископъ Лаврентій воспретилъ совершать Вел. крестный ходъ, а на стран. 63 указывается, что этого запрещенія не было, а было только указано измѣненіе пути. Кромѣ того, въ статьѣ о. Іосифа нѣтъ твердо и ясно выраженнаго взгляда на распоряженіе епископа Лаврентія: онъ не то хвалитъ владыку, не то порицаетъ его.

чтобы на будущее время святой крестный ходъ на р. Великую совершаемъ былъ, во избѣжаніе большихъ расходовъ, сухимъ путемъ, а не водою, и чтобы богомольцы, во время этого пути, содержали себя на собственное иждивеніе.

Какъ и слѣдовало ожидать, народъ не понялъ или не хотѣлъ понять высокой мысли архипастыря, заботящагося о чистотѣ религіи, и перетолковалъ это по своему. По крайней мѣрѣ, во все время управленія Лаврентія вятскою епархіею крестныхъ ходовъ на рѣку Великую не совершалось. Однимъ, вѣроятно, не нравилось идти по непротоптанной дорожкѣ, другіе негодовали на архіерея за то, что онъ лишалъ ихъ дарового угощенія. Само вятское духовенство было не на сторонѣ преосвященнаго и идя ему наперекоръ, не поддержало ни одного изъ его благихъ начинаній [1]. Хотя этотъ просвѣщенный архипастырь и оставался съ своими свѣтлыми взглядами и высокими религіозными убѣжденіями въ одиночку среди своей непросвѣщенной вятской паствы, не понятый и не оцѣненный своими современниками, тѣмъ не менѣе потомство начинаетъ уже оцѣнивать этого владыку, «крайняго невѣжества и суевѣрія противника». Во всякомъ случаѣ, личность Лаврентія глубоко симпатичная. Шотландскій историкъ Карлейль назвалъ бы его непремѣнно героемъ-пророкомъ или героемъ-поэтомъ, какъ онъ называетъ всѣхъ великихъ мужей и реформаторовъ. Вѣрнѣе всего назвать Лаврентія провозвѣстникомъ, ибо его мысль

[1]) Епископъ Лаврентій считался извѣстнымъ проповѣдникомъ того времени, и онъ первый изъ вятскихъ архіереевъ говорилъ проповѣди безъ приготовленія. Въ заботѣ своей объ образованіи вятскаго духовенства, онъ открылъ въ Вяткѣ Славяно-латинскую школу, вызвалъ для этого изъ Кіева достойныхъ учителей. Но это не понравилось духовенству. Будучи строгой жизни, онъ требовалъ того же отъ своихъ подчиненныхъ. По сообщенію вятскаго историка Вештомова, преосвященный былъ особенно милостивъ къ бѣднымъ; во время голода, бывшаго въ Вяткѣ, онъ жертвовалъ даже и церковнымъ имуществомъ, говоря, что церковное имѣніе есть имѣніе бѣдныхъ. Въ Вяткѣ епископъ Лаврентій прожилъ только четыре года и три мѣсяца. Въ его краткой біографіи говорится: „Частовременныя огорченія, проявлявшіяся *отъ несочувствія духовенства* и народа учрежденію Латинской школы, преждевременно свели преосвященнаго въ могилу.“ Погребенъ онъ въ Вят. каѳедр. соборѣ.

о чистотѣ вятскихъ крестныхъ ходовъ опередила цѣлое столѣтіе и осуществилась только въ царствованіе Николая I.

По смерти епископа Лаврентія, хлыновскіе посадскіе жители подали въ провинціальную канцелярію прошеніе, въ которомъ выражали глубокое сожалѣніе о прекращеніи столь древняго учрежденія (Великор. хода), на которое собирались жители сосѣднихъ областей, и просили о возстановленіи онаго, по завѣту предковъ. Указомъ императрицы Анны Ивановны повелѣно возстановить прежнія богомоленія и установленные крестные ходы, не отмѣняя и не останавливая ничего. Снова началось съ ноября мѣсяца заготовленіе съѣстныхъ запасовъ и вареніе пива для *благочестивыхъ* богомольцевъ. Такое пиршество, со жратвою и питіемъ, не могла уже остановить, по силѣ высочайшаго указа, никакая власть въ Вяткѣ, ни духовная, ни свѣтская. Все пошло по прежней, разъ протоптанной дорожкѣ...

Только уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія стало пробуждаться и въ Вяткѣ общественное сознаніе: появились въ столичныхъ газетахъ корреспонденціи изъ Вятки, осуждающія неумѣстные обычаи при крестномъ ходѣ, какъ напр. приношеніе, якобы въ жертву св. Николаю барановъ, живьемъ, закланія ихъ вблизи Великорѣцкой церкви, похожее или напоминающее языческое жертвоприношеніе, посыпались и упреки вятскому духовенству, допускающему, ради корыстолюбія, подобное суевѣріе. Въ виду возбужденныхъ толковъ интеллигенціи, вятскій губернаторъ И. П. Хомутовъ, въ 1839 г., счелъ уже нужнымъ внести въ свой годовой отчетъ сообщеніе о бывающихъ непорядкахъ при Великорѣцкомъ крестномъ ходѣ. Послѣдовалъ запросъ вятскому преосвященному Неофиту и, послѣ даннаго послѣднимъ объясненія, дѣло доложено св. Синодомъ Государю Императору. Высочайшая воля Государя Николая I выражена была въ слѣдующихъ словахъ: «Не нарушая при семъ случаѣ древнихъ и укоренившихся обычаевъ, поколику оные не противны правиламъ церкви, учинить распоряженіе, дабы тщательно устранено было все,

что несообразно съ достоинствомъ богослуженія и съ святостію мѣста, и дабы обычай, соединенный съ набожностію, не былъ въ то же время соединенъ съ безпорядками, нечистотою и корыстными видами».

XI.

Новый фактъ изъ исторіи первыхъ вятчанъ, приводимый Рычковымъ.—Прологъ къ разсказу Рычкова.—Любопытное преданіе о помощи устюжанъ вятчанамъ.—Своя своихъ не познаша.—Междуусобная рѣзня.—Историческая справка по поводу разсказа Рычкова.—Разсорившіеся между собою союзники.—Передача факта въ новой, изукрашенной фантазіею формѣ.—Древній романъ съ трагическою развязкою.—Вятская «свистопляска», якобы означающая поминки.—Предполагаемое соотношеніе Свистопляски съ народнымъ Семикомъ.—Народная прибаутка о томъ, какъ Семикъ ласкается къ своей невѣстѣ.—Сообщаемый Рычковымъ и Хитрово фактъ принимается на вѣру литераторами.—Высказанное по поводу сего справедливое сожалѣніе.

Н. П. Рычковъ, бывшій адъюнктъ Академіи Наукъ, сообщаетъ въ своихъ «Дневныхъ запискахъ путешествія» еще новый фактъ изъ исторіи первоначальной Вятки. Но такъ какъ этотъ фактъ не упоминается ни въ одной изъ русскихъ лѣтописей, то сообщеніе о немъ нужно причислить къ области преданій.

«Въ лѣто 6899 (1391 г.) царевичъ Бектутъ, посланный отъ татарскаго царя Токтамыша—говоритъ Рычковъ,—пришедъ съ многочисленнымъ войскомъ, завоевалъ всю Вятскую страну и множество христіанъ плѣнилъ и умертвилъ, иные же спасли животъ свой, откупаясь сокровищами; и такъ, разоривъ всѣхъ вятскихъ жителей, возвратился обратно, обогатясь корыстію побѣжденнаго народа».

Это изукрашенное немного сообщеніе о фактѣ нападенія Бектута на Вятку [1]) служило прологомъ къ другому событію, о которомъ я разскажу.

---

[1]) Въ трехъ русскихъ лѣтописяхъ, подъ 1391 годомъ, значится: „Царь Токтамышъ посылалъ царевича, именемъ Бектута, на Вятку ратію; онъ же шедъ взя Вятку, а люди посѣче, а иныхъ въ полонъ поведе“. Но нигдѣ въ этихъ лѣтописяхъ не упоминается о томъ, чтобы вятчане откупали жизнь себѣ помощію сокровищъ.

Когда вѣсть объ опустошеніи Вятки татарами достигла до устюжанъ, то они рѣшились отправить на помощь своимъ союзникамъ нѣсколько тысячъ вооруженныхъ людей. Эту помощь, какъ неожиданную, они захотѣли оказать сюрпризомъ для вятчанъ и потому подошли къ г. Хлынову въ ночную пору. Но тутъ и случилось, какъ говоритъ Рычковъ, чудное и никогда неожиданное несчастіе. Хлыновскіе сторожа, замѣтивъ приближеніе массы людей, какъ бы крадущихся у подошвы горы, подняли тревогу. Пробудившіеся въ страхѣ хлыновцы, принявъ движущуюся массу устюжанъ за черемисъ, тотчасъ же сдѣлали отчаянную вылазку, и въ темнотѣ ночи пошла потѣха... Устюжане, принявъ вятчанъ за татаръ, овладѣвшихъ уже г. Хлыновымъ, сражались храбро и стойко. Кровопролитный бой продолжался до самаго разсвѣта, при чемъ съ обѣихъ сторонъ пало въ битвѣ много людей. На утро, увидя своихъ враговъ въ русской одеждѣ, вятчане спросили ихъ, что они за люди. И когда изъ отвѣта узнали, что тѣ были устюжане, пришедшіе къ нимъ на помощь противъ общаго врага ихъ, татаръ, то крайне изумились. Оба случайные противника, распознавъ, при свѣтѣ, другъ друга, впали въ глубокую печаль, при видѣ умерщвленныхъ своихъ родственниковъ, друвей и единоплеменниковъ. Кажется, пора бы заключить и мировую между собою. Но не тутъ-то было. Обѣ стороны на столько были поражены происшедшимъ несчастіемъ, что потеряли здравомысліе. Они начали обвинять другъ друга въ преднамѣренности и предумышленности. Пришлось защищать свою честь оружіемъ. И снова грянулъ бой между ними... Эта новая междуусобная битва прекратилась только тогда, когда со стороны устюжанъ палъ ихъ предводитель Анфалъ съ сыномъ его Нестеромъ. Оба они были убиты народоначальникомъ Вятки Михаиломъ Разсохинымъ. «Сказываютъ, прибавляетъ Рычковъ, что съ обѣихъ сторонъ на мѣстѣ убито болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ, которые всѣ погребены въ предмѣстьѣ Хлынова, и нынѣшніе градскіе жители, въ память сего несчастнаго случая, отправляютъ ежегодно на томъ

мѣстѣ, при собраніи всего народа, „печальныя поминки“ [1]).

Надо сказать, что этотъ новый фактъ не оправдывается лѣтописными данными. Рычковъ, какъ видно, пріурочиваетъ этотъ несчастный случай къ 1391 году, между тѣмъ какъ сообщеніе объ убійствѣ Анфала Разсохинымъ встрѣчается въ лѣтописяхъ между 1411—1421 годами, т. е. тогда, когда оправившаяся отъ погрома Бектута Вятка не нуждалась уже ни въ какой помощи устюжанъ [2]). Изъ лѣтописей видно, что въ означенный 1391 г. устюжане и вятчане, вмѣсто раздора, сдѣлавшаго ихъ непримиримыми врагами, прекрасно ладятъ между собой. Въ отмщеніе за набѣгъ Бектута они, съ общаго согласія, предпринимаютъ походъ противъ татаръ. Отправившись вмѣстѣ на ушкуяхъ по р. Вяткѣ, они разоряютъ на Камѣ Жукотинъ и Казань (древнюю, стоявшую при Камѣ). Но этимъ удалые воины не довольствуются; они выѣзжаютъ и на Волгу и тамъ грабятъ всѣхъ татарскихъ гостей, т. е. купцовъ, торговавшихъ съ татарами, и благополучно возвращаются домой [3]). Но, вѣроятно, при дѣлежѣ добычи между устюжанами и вятчанами произошла крупная ссора, такъ какъ они съ того времени дѣлаются изъ друзей врагами и чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того взаимно начинаютъ нападать на земли другъ друга. Въ этой междуусобной борьбѣ вятчане оказываются сильнѣе устюжанъ, потому что они пожигаютъ и грабятъ не мало устюжскихъ весей и городовъ. Когда Устюгъ подчинился Москвѣ, то вражда противъ него со стороны вятчанъ еще болѣе усилилась. При своихъ нападеніяхъ они перестали щадить и самыя церкви.

Сообщаемый Рычковымъ фактъ весьма сомнительнаго

1) См. „Журналъ или дневныя записки путешествія“ Рычкова, изд. Ак. Наукъ, 1770—1772 г. Отрывки изъ этихъ записокъ напечат. въ „Календарѣ Вят. губ.“ за 1893 г.

2) Въ Рязан. лѣт. значится подъ 1411 г.: „Въ странѣ жъ земли Вятской жители Анфала и сына его Нестера, нашедше ратію, Михаило Росохинъ съ товарищи убили 5000 человѣкъ“. Въ друг. лѣтоп., въ томъ числѣ и Новгородской, подъ 1418 г., значится: „Анфалъ Никитичъ, убіенъ бысть на Вяткѣ и сынъ его Нестеръ отъ Михаила Разсохина іюня въ 12 день“. Въ Вят. лѣт. событіе это значится подъ 1421 г.

3) См. лѣтописи Соф., Тип. и Рязанскую.

*

достоинства. Но его разсказъ, какъ произведеніе пера ученаго путешественника, тотчасъ же вносится, какъ истина, въ общераспространенный прежде «Словарь» Щекатова и дѣлается, такимъ образомъ, достояніемъ всѣхъ русскихъ читателей.

Вятскій ссыльный генералъ Хитрово увлекся этимъ разсказомъ Рычкова и захотѣлъ сдѣлать его еще пикантнѣе. Въ напечатанной имъ, въ 1826 г., въ «Трудахъ и запискахъ Общества Исторіи и Древностей» статьѣ Хитрово далъ полную волю своей фантазіи. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ г. Верещагинъ, Хитрово описываетъ поединокъ между вятчанами и устюжанами, какъ военный человѣкъ, въ стилѣ реляцій 1812 года. Хитрово вводитъ въ свой разсказъ и «военныя позиціи», и «возвышенныя прикрытія города», и «крыло арміи», и «маневры для смѣны караула», и «отрядъ для прикрытія движенія», и проч. Но собственно соль пересказа Хитрово заключается въ романической подкладкѣ, которую онъ придалъ своему сообщенію. Оказывается, что устюжане не просто пришли па помощь громимой татарами Вяткѣ, а къ этому побудили ихъ нѣкоторыя причины интимнаго свойства. Видите ли, устюжскій князекъ Несторъ, сынъ Анфалы, былъ пламенно влюбленъ въ дочь начальника Вятскаго удѣла Расахатина(?), прекрасную Евдокію. Пылающій страстью молодой человѣкъ уговорилъ своего отца помочь вятчанамъ, въ надеждѣ, что отецъ его, увидя Евдокію, одобритъ выборъ его сердца. «Но судьба—повѣствуетъ Хитрово—положила предѣлъ сей любви плачевною смертію родителя и сына. Прекрасная Евдокія, узнавши о смерти своего любезнаго и объ опасностяхъ, коимъ онъ подвергался для вспомоществованія своимъ, предалась жесточайшему отчаянію, и даже полагаютъ, что она приняла ядъ, ибо умерла спустя нѣсколько дней послѣ сего сраженія. Она предъ смертію просила, чтобы похоронили ее вмѣстѣ съ любезнымъ и отцомъ его, но было невозможно исполнить сію просьбу, ибо устюжцы тѣла своихъ князей увезли съ собою».

Въ разсказѣ Хитрово романъ, какъ видите, вышелъ хоть

куда, и даже съ трагическою развязкою. Нѣтъ сомнѣнія, что Хитрово начитался вдоволь забористыхъ романовъ, въ родѣ «Битва Русскихъ съ Кабардинцами». Его Евдокія, какъ и прекрасная магометанка, также умираетъ на гробѣ своего... не мужа, а только жениха.

Кромѣ того, Хитрово соединяетъ печальныя поминки о несчастныхъ, погибшихъ въ междуусобной войнѣ вятчанъ съ устюжанами, съ «свистопляскою», особымъ народнымъ торжествомъ, отправляемымъ въ Вяткѣ въ четвертую субботу послѣ Пасхи. Въ этотъ день жители Вятки, по разсказу Хитрово, помолившись утромъ у деревянной часовни за усопшихъ, посвящаютъ весь день прогулкѣ и увеселеніямъ. Народъ собирается на городскихъ валахъ и, запасшись свистками, цѣлый день свиститъ, бросаетъ съ вала въ ровъ глиняные шарики и продаетъ, якобы въ честь вдовъ, оставшихся послѣ сраженія, глиняныя куклы, расписанныя разными красками и раззолоченныя.

Изъ того, что въ этотъ день народъ цѣлый день свиститъ и гудитъ, прямо уже явствуетъ, что это какое-то торжество, а никакъ уже не поминки или воспоминанія о несчастномъ случаѣ, происшедшемъ между устюжанами и вятчанами. По моему предположенію, вятская «свистопляска» есть какой-то остатокъ временъ язычества, сохранившійся въ Вяткѣ. На мой взглядъ, эта свистопляска имѣетъ близкое соотношеніе съ народнымъ семикомъ, празднуемымъ въ послѣдній четвергъ предъ Троицынымъ днемъ. Какъ извѣстно, семикъ или «зеленыя святки» отправлялся и въ самой Москвѣ, въ прошлое столѣтіе, съ большимъ торжествомъ. На первомъ планѣ и тогда было гудѣніе съ бубнами, балалайками, сковородами и прочими ухорѣжущими музыкальными орудіями [1]). Да и какъ въ самомъ дѣлѣ не веселиться и не гудѣть, когда въ это время, по языческимъ понятіямъ, господинъ Честной Семикъ, зеленыя святки, вступалъ въ бракъ съ Честною Масленицею, что, по всей вѣроятности, символировало объединеніе лѣта съ зимою, лѣтнихъ поле-

[1]) См. книгу „Старина Москвы и русск. народа", С. М. Любецкаго.

выхъ работъ съ зимними домашними. Если въ семикъ воспоминалась свадьба, то въ свистопляску, вѣроятно, начало ея—рукобитье. Въ русскомъ народѣ сохранилась погудка-прибаутка о томъ, какъ господинъ Семикъ «ластится» къ своей веселой невѣстѣ, прекрасной Масленицѣ: «Душа моя Масленица, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса, русая коса, тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехматерина дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка» [1].

Остановивъ вниманіе читателя на мѣстномъ народномъ праздникѣ, исключительно вятскомъ, имѣющемъ этнографическое значеніе, я перехожу къ дальнѣйшимъ сообщеніямъ. Въ этой главѣ сообщенія будутъ касаться результатовъ указанныхъ выше двухъ статей. Съ легкой руки Рычкова и Хитрово невѣроятный ихъ разсказъ о неповнаніи вятчанами и устюжанами другъ друга цитируется уже, какъ достовѣрный, у серьезныхъ писателей, именно: казан. профессора Баженова, Диттеля, Салтыкова-Щедрина, Максимова и, что всего удивительнѣе, попадаетъ, для поучительности дѣтямъ, въ педагогическій журналъ «Семья и Школа».

Сожалѣя о заимствованіи писателями подобной небылицы, мѣстный историкъ г. Верещагинъ говоритъ: «И ни у одного изъ этихъ авторовъ не встрѣчается рѣшительнаго сомнѣнія въ вѣроятности самаго событія—избіенія ночью, по однимъ—4000, по другимъ—9000, не узнавшихъ, будто бы, другъ друга устюжанъ и вятчанъ...» [2].

---

[1] См. Описаніе лубочныхъ картинъ Русск. народа, И. М. Снегирева.

[2] См. Отрывки изъ «записокъ» Рычкова и Хитрово о древней Вяткѣ, съ замѣткой о нихъ А. С. Верещагина, напеч. въ календарѣ Вят. губ. на 1893 г.

XII.

Теченіе многоводной Камы.—Встрѣчающійся цѣлый оазисъ костеносныхъ городищъ.—Окружающіе ихъ валы.—Разнообразныя находки костяныхъ издѣлій.—Орнаменты вещей.—Издѣлія изъ бронзы и мѣди.—Гончарныя издѣлія.—Принадлежность костеносныхъ городищъ древнему народу.—Чѣмъ онъ занимался.—Гдѣ встрѣчаются его родичи.—Предполагаемый обычай хороненія покойниковъ.—Находки предметовъ каменнаго вѣка.—Святой колодецъ.—Могила булгарскаго князя.—Предположеніе о имени его.—Собакелово и Чемы, напоминающія Собекуляръ и Челмату.—Упоминаніе о нихъ въ лѣтописяхъ.—Гдѣ они, по изслѣдованію, собственно жили.

Сказавъ о Вятскомъ краѣ, я спускаюсь по р. Вяткѣ на Каму и буду слѣдовать по прежнему пути, идя вверхъ противъ теченія послѣдней.

Отсутствіе водъ послѣдней почти нисколько не уменьшаетъ и не съуживаетъ ширины Камы, которая несется такою же многоводною, широкою полосою, въ пятьсотъ саженъ, какъ и послѣ впаденія въ нее Вятки. Зато потеря притоковъ Ика, Ижа и Бѣлой постепенно съуживаетъ ее, а потеря Чусовой дѣлаетъ ее уже мелководною рѣкою.

Какъ при устьѣ Вятки, такъ и не подалеку отъ этого, встрѣчаются по правому берегу Камы городища, несомнѣнно болѣе древнія, чѣмъ булгарскія. Эти городища находятся близъ деревни Грахань, близъ селъ Котловки и Свиныхъ Горъ. Первое изъ нихъ, при устьѣ Вятки, назначалось, какъ надо думать, для наблюденія за этой рѣкой. Ни внѣшнимъ видомъ, ни находками Грахановское городище не замѣчательно. Своею конусообразною формою и находками выдаются Котловскія городища. Ихъ два. Одно изъ нихъ занимаетъ вершину замѣчательной по высотѣ и оригинальному виду такъ называемой «Котловской шишки». Это городище защищено въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькими валами, изъ коихъ главный, ограждающій площадку со стороны поля, массивенъ и имѣетъ 90 саженъ длины. Другое городище расположено на мысу, межъ двумя оврагами, близъ с. Котловки; на городищѣ этомъ есть только два небольшіе вала.

Всѣ эти четыре городища принято называть костеносными, по изобилію находимыхъ на нихъ костей различныхъ

животныхъ и по находкамъ издѣлій изъ кости. Изъ находокъ этихъ вещей встрѣчаются слѣдующія: большіе костяные ножи изъ острыхъ, широкихъ и длинныхъ реберъ съ головкой въ видѣ ручки, наконечники для стрѣлъ, круглые наконечники для боевыхъ молотовъ. Изъ предметовъ домашняго быта встрѣчаются: костяныя ложки, вилки, гребни, вязальныя иглы, шилья, уды, игрушки, костяныя бусы. Орудіями промысла служатъ удочки, остроги, маленькіе ножички для сниманія, вѣроятно, шкуръ, разнообразныя лопаточки для отдѣленія мездры отъ кожъ, кодочиги для плетенія лаптей. Всѣ эти вещи сдѣланы изъ кости искусно, иногда даже художественно. На нѣкоторыхъ предметахъ, особенно на ручкахъ ножей, на лопаточкахъ, гребняхъ, удочкахъ, встрѣчаются изваянія фигуръ и головокъ различныхъ животныхъ: лося, медвѣдя, лисицы, кабана, свиньи, лошади, изрѣдка изображенія дракона и другихъ фантастическихъ животныхъ.

Глиняныхъ, каменныхъ вещицъ, равно желѣзныхъ предметовъ на костеносныхъ городищахъ встрѣчается очень мало. Но подѣлокъ изъ бронзы и мѣди найдено больше. Таковы: кельты, двуперыя стрѣлы, иглы, кольца и разныя украшенія. Большую важность, для указанія на самостоятельное литье металлическихъ издѣлій, имѣютъ найденные тигли и разнообразныя формы для отливки. Къ гончарнымъ издѣліямъ принадлежатъ горшки или сосуды разнообразной формы и величины. Есть котловидные, съ круглымъ дномъ и широкимъ зѣвомъ. Цѣльныхъ сосудовъ не сохранилось, но по крупнымъ осколкамъ можно легко возстановить форму сосуда. Черепки сѣраго цвѣта, съ раковинною примѣсью, тверды какъ камень и при ударѣ издаютъ звонъ. На крупныхъ сосудахъ орнаментовъ нѣтъ, но на малыхъ и среднихъ они встрѣчаются или въ видѣ зубчатыхъ, или въ видѣ веревчатыхъ линій, расположенныхъ то группами, то вкось, а чаще всего вокругъ зѣва.

Какому народу принадлежатъ эти костеносныя городища—неизвѣстно. Отсутствіе монетъ на городищахъ указы-

ваетъ, что этотъ народъ былъ древній, который, однако, приручилъ себѣ и сдѣлалъ домашними животными лошадь, корову, барана и собаку. Видимо, онъ велъ пастушескій образъ жизни, занимаясь также рыбною и звѣриною ловлею; предметы первой необходимости онъ дѣлалъ самъ; изукрашенія на вещахъ изобличають въ народѣ довольно развитый вкусъ къ изящному. Этотъ народъ не былъ уже ни вотяками, ни черемисами, ни даже булгарами, у которыхъ вещи отличаются пестротою восточнаго типа. А по своимъ обычаямъ и культурѣ жители костеносныхъ городищъ не сходствуютъ и съ современными Ананьинскому могильнику жителями [1]. Родичей костеносныхъ городищъ надо искать въ Сибири, по р.р. Томи, Иртышу, и отчасти въ Пермской губерніи, гдѣ встрѣчаются сходныя съ этими городища. П. А. Пономаревъ относитъ костеносныя городища къ I—IX вѣку по Р. Х. По его предположенію, населявшее эти городища племя хоронило не трупы покойниковъ, а только кости ихъ. Г. Спицынъ полагаетъ, что костеносныя городища имѣли почти исключительно религіозное значеніе [2].

Предметы каменнаго вѣка, какъ-то: долота изъ кремня и опоки, каменные молоты, песчаниковые топоры, иногда обоюдоострые, топоры-клинья изъ яшмы, каменныя стрѣлы, копья, скребки и проч., встрѣчаются уже выше по Камѣ, начиная съ с. Танайки и доходя до верховьевъ Камы. Эти орудія встрѣчаются не гнѣздами, въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, а въ разброску [3].

Поднимаясь выше къ городу Елабугѣ, въ 17 верстахъ отъ нея, можно встрѣтить на лѣвомъ берегу мѣсто, называемое «Святой колодецъ». Теперь оно занято дачами и пристанью елабужскаго купца Стахѣева. Но я посѣтилъ это

---

[1]) Объ Ананьинскомъ могильникѣ какъ новомъ памятникѣ глубокой старины, сказано будетъ мною подробно впослѣдствіи.

[2]) См. брошюру Спицына: „Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края". Издан. Вятск. Статистич. Комитета.

[3]) Первымъ собирателемъ каменныхъ орудій въ здѣшней мѣстности былъ археологъ Лерхъ.

мѣсто, когда здѣсь не только не было поселенія, но и не встрѣчалось ни одного дома. Мѣсто лѣсистое; на берегу устроенъ колодецъ съ родниковой водой и часовней, при которой находилась сторожка. Этотъ колодецъ и называется святымъ; но собственно санкцировать это мѣсто не имѣлось никакихъ основаній. По крайней мѣрѣ, среди мѣстныхъ русскихъ жителей нѣтъ ни одного разсказа, почему это мѣсто называется святымъ. Зато магометане имѣли больше права считать это мѣсто святыней, такъ какъ, по преданію татаръ, здѣсь находилась могила булгарскаго имама святой жизни. Камень съ арабской надписью надъ его могилою невѣдомо куда и когда исчезъ, и самая могила уничтожена. Имя этого имама татары не знаютъ или не хотятъ сказать. Не могила ли это шейха Актяма-каджи, которую, по лѣтописи Товарина-Булгаріе, посѣтилъ въ числѣ другихъ ханъ Тимуръ или грозный Тамерланъ? Авторъ лѣтописи Хишатъ-Эддинъ Булгари [1]) указывалъ, что могила эта находилась близъ Елабуги, въ аулѣ Бай-Джури-Черемшъ. Аула этого теперь не существуетъ, но слово Черемшъ указываетъ, что этотъ аулъ стоялъ по направленію къ р. Черемшану, т. е. южнѣе Елабуги, какъ это на самомъ дѣлѣ и выходитъ.

Эта могила, равно какъ и Чортово Городище, о которомъ будетъ рѣчь впереди, указываютъ, вопреки мнѣнію г. Шпилевскаго, что и на сихъ мѣстахъ жили булгары. Индукція по лѣвому берегу села Собалеково (противъ Елабуги) и Челны (выше ея) напоминаютъ мнѣ своимъ созвучіемъ булгарскихъ Собекулянъ и Челмату, о которыхъ упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ. Приведу это мѣсто: «Иде на Болгары князь великій Всеволодъ Юрьевичъ со многими князи и множествомъ полковъ и приидоша въ землю болгарскую къ великому граду Серебряныхъ болгаръ». (Городъ этотъ, по моему мнѣнію, на Камѣ, а не на Волгѣ, какъ думаетъ г. Шпилевскій). При этомъ «сокольніи городѣ болгарскіи Собѣкуляне и Челмата, совокупившеся въ 5 тысящахъ, идоша на насады русскіе... И поможе Богъ Руси и побѣдиша болгары.

[1]) Мусульманскій миссіонеръ, жившій въ XVI в.

Всеволодъ же стоя около города десять дній, а болгары высылаху къ нему съ челобитьемъ и смирихся съ ними (т. е. заключивъ миръ), поиде... въ лодіяхъ къ Володимерю» [1]) Впрочемъ, какъ утверждаетъ г. Шпилевскій, Собекуляне и Челмата жили ниже, именно въ предѣлахъ Лаишевскаго и Мамадышскаго (близъ устьевъ Вятки) уѣздовъ. Будемъ этому вѣрить.

XIII.

Село Танайка.—Старинное названіе этого села; кому оно принадлежало.—Мятежные танаевцы.—Три священника, исполнявшіе полицейскую роль.—Посаженный въ куль пугачевскій полковникъ.—Истязаніе священниковъ.—Выкупъ ихъ изъ плѣна пугачевцевъ.—Подвигъ, или трусость?—Роль духовенства въ эпоху пугачевщины.—Грамота вятскаго епископа.—Мартирологъ замученнаго пугачевцами духовенства.—Расправа съ пугачевцами.—Танаевскій кровавый оврагъ.—Плѣнъ и мученическая, по преданію, кончина одного изъ защитниковъ престола и отечества.

Въ семи верстахъ отъ Елабуги, на лощинѣ праваго берега Камы, стоитъ видимое съ парохода село Танаевское или, какъ принято его называть, Танайка. Это село образовалось изъ деревни Таны, принадлежавшей нѣкогда «Троицкому монастырю Каменнаго городища, что на Елабугѣ». Такъ писался этотъ монастырь, основанный на Чортовой горѣ. Въ этомъ селѣ находится оврагъ, который былъ наполненъ прежде человѣческими костями. Разливомъ рѣчки Танайки отмываются и сейчасъ оставшіяся еще въ землѣ кости. Читателю не безынтересно будетъ познакомиться съ событіями, вызываемыми этимъ оврагомъ.

Оврагъ этотъ напоминаетъ собою смутную эпоху пугачевщины. Изъ всѣхъ окружающихъ Елабугу селъ танаевцы были болѣе другихъ склонны къ смутѣ. Клевреты Пугачева и первые его застрѣльщики, рыскавшіе по Прикамью, еще до прихода его, нашли здѣсь удобную почву для водворенія мятежа. Въ то время, когда Елабуга (прежнее село Трехсвятское) и другія села со страхомъ

---

[1]) См. „Полное собраніе русскихъ лѣтописей“.

ожидали появленія самозванца, въ Танайкѣ уже много было сторонниковъ бунтовщика. Увлеченные ласковыми обѣщаніями пугачевцевъ, они начали вмѣстѣ съ ними рыскать по сосѣднимъ селеніямъ, требуя съ угрозами признанія Пугачева за императора Петра III.

Въ самомъ селѣ оставались тѣ изъ крестьянъ, которые колебались и стояли на порогѣ нерѣшимости—признавать-ли самозванца государемъ. Для невѣжественныхъ жителей вѣская и убѣдительная рѣчь могла быть полезною и образумить ихъ. Какъ разъ въ эту удобную минуту колебаній пріѣзжаютъ въ Танайку изъ Елабуги три священника: Александровъ, Троянскій и Романовъ. Жители изъ любопытства окружаютъ ихъ съ цѣлію послушать, что скажутъ пріѣзжіе пастыри. Но они пріѣхали сюда вовсе не для назиданія и увѣщаній. Всѣ они трое опасливо озираются по сторонамъ и видимо бережно охраняютъ куль, который они везутъ съ собою. Ужъ не сокровища ли какія спрятаны въ этомъ кулѣ? Къ необычайному изумленію танаевцевъ, строго оберегаемый куль, какъ бы волшебный, заговорилъ самъ собою. Изъ куля послышался голосъ человѣка, взывающаго о помощи. Моментально крестьяне выхватили куль и развязали его. Изъ куля вылѣзъ человѣкъ, остриженный въ кружокъ, по казацки. Освобожденный назвалъ себя полковникомъ государя Петра Ѳедоровича.

Дѣло было такъ. Заслыша о передовыхъ полчищахъ Пугачева, подходившихъ къ Елабугѣ, одинъ изъ ея жителей, пьяница Бурмистровъ, отправился въ станъ Пугачева и призналъ его своимъ государемъ. Воръ удостоилъ его цѣлованія своей руки и за обѣщаніе смутить елабужанъ пожаловалъ его въ полковники. Возвратившись въ Елабугу, захудалый посадецъ началъ распространять вредные слухи, смущающіе жителей. Три означенные священника схватили пропагандиста и развратителя, связали его, посадили въ куль и лично повезли его въ Казань для преданія властямъ. Въ Танайкѣ, гдѣ они проѣздомъ остановились, имъ пришлось жестоко поплатиться за арестъ пугачевскаго полковника.

Бурмистровъ, попавъ въ среду колеблющихся жителей, успѣлъ скоро привлечь на свою сторону танаевцевъ. Несоотвѣтственная священникамъ полицейская роль лишила ихъ способовъ къ оправданію. Рѣчи Бурмистрова возбудили ярость противъ священниковъ. Ихъ начали бить, топтать ногами и, волоча по землѣ, таскать за волосы. Въ дикомъ порывѣ натѣшившись надъ священниками, танаевцы не остановились и пошли далѣе. Они хотѣли посадить священниковъ въ кули и бросить въ Каму. Только по настоянію нѣкоторыхъ стариковъ, боявшихся законной отвѣтственности, ихъ не утопили въ рѣкѣ, а отправили на судъ самого Пугачева. Въ провожатые назначенъ былъ вмѣстѣ съ другими Бурмистровъ. И издѣвался же во время дороги этотъ злодѣй надъ беззащитными священниками! Избитыхъ, израненыхъ, измученныхъ физически и нравственно священниковъ привезли въ становище пугачевцевъ, которые въ это время осаждали укрѣпленіе Ногайбакъ. Начальникъ укрѣпленія Новиковъ, услышавъ о горестномъ положеніи духовныхъ лицъ, принялъ въ нихъ участіе. Не имѣя возможности силою выручить ихъ, онъ попробовалъ выкупить ихъ изъ плѣна. За протопопа Александрова заплачено было 200 руб., а за священниковъ по 100 руб. ассигн. Часть этихъ денегъ возвращена была впослѣдствіи елабужанами, а другая уплачена казной. Домой возвратились священники искалѣченные и совсѣмъ больные.

Составитель «Исторіи Елабуги» И. В. Шишкинъ усматриваетъ въ поступкѣ этихъ духовныхъ лицъ великій гражданскій подвигъ, совершенный на защиту престола. При всемъ моемъ сочувствіи къ пострадавшимъ, я позволяю себѣ не согласиться съ подобнымъ заключеніемъ. Священники, прежде всего, въ смутную пору должны оставаться при своей паствѣ. Не ихъ дѣло хватать, вязать злодѣевъ и отвозить ихъ для преданія властямъ, составляя собою для схваченныхъ конвой. Ихъ дѣло убѣдить словомъ общество въ принятіи той или другой мѣры, кажущейся имъ благодѣтельною или полезною. Прикамскій край, несомнѣнно, былъ въ

нашествіями Пугачева и его сообщниковъ, замѣтно, не были безмолвными зрителями совершающихся на ихъ глазахъ беззаконій и проявили твердость духа, если не обличеніями, то заступничествомъ, ибо не мало погибло духовенства отъ руки мятежниковъ. Мартирологъ духовенства полонъ количествомъ замученныхъ жертвъ. Священниковъ умерщвлено пугачевцами 99 человѣкъ, діаконовъ 19, дьячковъ и пономарей 30,—всего же 148 человѣкъ [1]). Такая преданность престолу, засвидѣтельствованная ихъ кровію, составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи нашего духовенства.

Возвращаюсь къ мятежнымъ танаевцамъ. Кара законной власти постигла ихъ ранѣе, чѣмъ явился въ Елабугу Пугачевъ. Въ Елабугу присланъ былъ маіоръ Пермскій съ полуротою солдатъ (100 ч.) и съ пушкою. Маіоръ на мѣстѣ убѣдился, что смута, начавшаяся въ Танайкѣ, успѣла уже охватить многія селенія Прикамскаго края. Разъ выбившіеся изъ колеи танаевцы соединились съ татарами и башкирами и перешли вмѣстѣ съ другими пугачевцами въ наступательное положеніе. Съ трудомъ выдержавъ нѣсколько приступовъ на Елабугу, Пермскій просилъ о подкрѣпленіи. По его просьбѣ прибыли изъ за Камы четыреста гусаръ на помощь ему. И вотъ тогда-то пошла расправа съ

превысочайшую особу Государыни и самаго дражайшаго живота своего. Нарушеніе вѣрности и клятвопреступленія повлечетъ за собою вѣчное проклятіе церкви и грозное осужденіе Христа Бога при второмъ Его пришествіи; вѣрность же Государынѣ и отечеству низведетъ благословеніе Божіе на нихъ самихъ и на ихъ потомковъ и привлечетъ милость и матернюю любовь всемилостивѣйшей Государыни. „О семъ твердо увѣряя всѣхъ васъ, словеснаго стада Христова овцы, пастырь и отецъ вашъ Варѳоломей, епископъ вятскій и великопермскій, проситъ и молитъ Господемъ Нашимъ Іисусъ Христомъ, аминь. 1773 г. декабря“. Нѣтъ сомнѣнія, что такая грамота, если она была прочитана въ церквахъ, имѣла вліяніе на благочестивыхъ прихожанъ. Извлеченіе сдѣлано мною изъ приведенной въ подлинникѣ этой грамоты въ статьѣ „Матеріалы для исторіи Вятской епархіи“, протоіерея В. Огнева.

[1]) Число жертвъ духовенства высчитано мною по оффиціальному отчету, приложенному къ „Исторіи Пугач. бунта“ Пушкина.—У Вантышъ-Каменскаго число умерщвленнаго Пугачевымъ духовенства исчисляется такъ: 53 священника и 86 діаконовъ и причетниковъ.

рыскавшими кругомъ Елабуги пугачевцами! Главное гнѣздо ихъ находилось въ с. Танайкѣ, и вотъ сюда-то Пермскій направилъ впервые свои войска. При приближеніи ихъ, пугачевцы разбѣжались и попрятались. Ихъ находили въ домахъ, погребахъ, логахъ, овинахъ и умерщвляли, какъ мятежниковъ. Трупы убитыхъ брошены были въ оврагъ и засыпаны землею. Этотъ кровавый оврагъ и доселѣ существуетъ въ Танайкѣ.

Разбивъ шайки пугачевцевъ въ другихъ селеніяхъ, возвративъ жителямъ ограбленное ими имущество, войско почло, вѣроятно, край усмиреннымъ. Они направились въ Оренбургскій край, гдѣ пламя мятежа было въ полномъ разгарѣ. Гусары пошли на соединеніе съ полкомъ Михельсона, а Пермскій направился въ Башкирію. Въ 150 верстахъ Пермскій окруженъ былъ полчищами Пугачева и захваченъ былъ въ плѣнъ. Существуетъ преданіе, что съ Пермскаго, отказавшагося присягнуть самозванцу, пугачевцы содрали съ живого кожу.

Во время прибытія Пугачева въ Елабугу, городъ или укрѣпленное село Трехсвятское предоставлено было самому себѣ, на произволъ судьбы.

Этимъ я пока и заканчиваю первую половину своей статьи.

В. Ф. Кудрявцевъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
3	10 сверху	поколѣніямъ	покореніемъ.
13	3 снизу	Спултеръ	Стритеръ.
15	6 снизу	Исамахіи	Шамахіи.
19	8 сверху	уговоръ	договоръ.
38	1 снизу	при Василіи III	при Василіи II.
42	17 снизу	Василій III Ивановичъ	Василій II Васильвичъ.
44	15 сверху	одна	одну.
53	3 снизу	какъ же могло случиться, что	какъ же можно допустить, чтобъ
54	10 сверху	воинами	волнами
67	1 снизу	Рязанцевскую	Рязанскую.
74	16 сверху	Хишатъ	Хишамъ

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

[illegible]	[illegible]	[illegible]
[illegible] сверху	[illegible]	[illegible]
3 снизу	[illegible]	[illegible]
6 снизу	[illegible]	[illegible]
8 сверху	[illegible]	[illegible]
1 снизу	при [illegible] III	при [illegible] II.
17 снизу	Василій III Ва-[illegible]	Василій II Ва-[illegible]
15 сверху	[illegible]	[illegible]
3 снизу	какъ же [illegible] слу-читься, что	какъ же можно [illegible]пустить, чтобъ
10 сверху	[illegible]	волнами
1 снизу	Рязан[illegible]скую	Рязанскую.
16 сверху	Хишатъ	Хишамъ

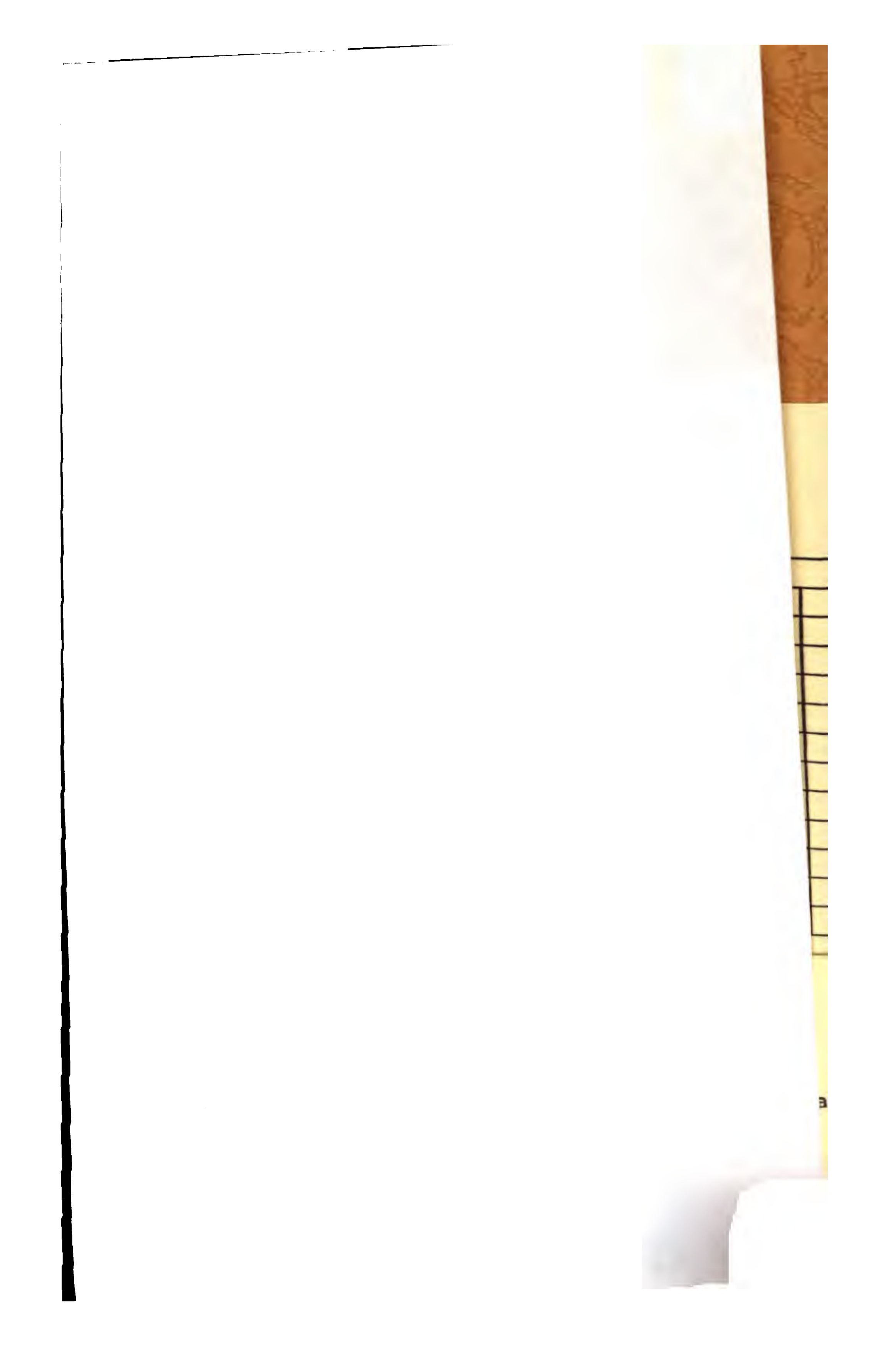

MK-460626

7

MK-460686

(7)

DK 511 .K17 .K84 C.1
Starina, pamiatniki, preda
Stanford University Libraries
3 6105 036 455 553